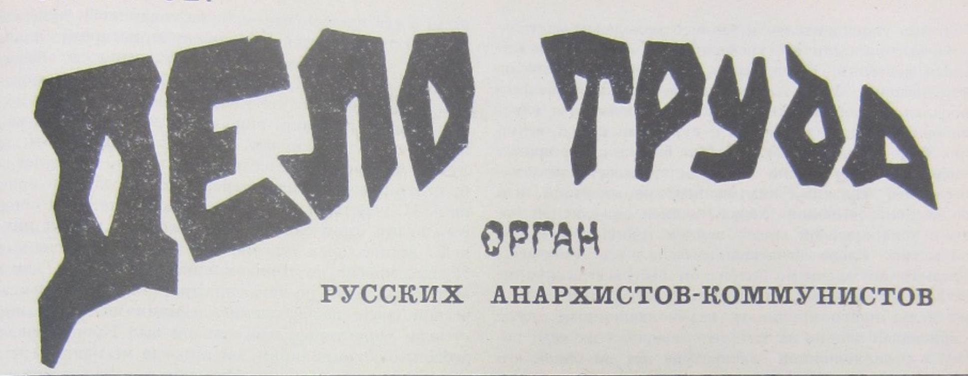
№ 20-21. ЦЕНА 5 сентов.

№ 20-21

«DIELO TROUDA» Journal Mensuel
Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
M. Ferandel, 14, rue du Repos, Paris (20e)

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ
1927

К ГОДОВЩИНЕ 8-го ФЕВРАЛЯ

(ИЗ страниц прошлого).

Сколько раз за эти годы каждому из нас случалось, перед тем или иным спорным вопросом нашего движения, теоретическим или практическим, спрашивать себя: «А что сказал бы Петр Алексеевич? Как решил бы он трудную задачу? Какой практический путь наметил бы?» Русская революция пришла для Кропоткина слишком поздно; ему не удалось оказать на нее того влияния, которое он мог оказать, и даже на деятельность русских анархистов, в революционные годы он лично, непосредственно почти не мог влиять, в силу ряда условий, отчасти внешнего характера. И как ответил бы он на ряд тактических и программных вопросов современности — товарищам во многих случаях остается только заключать об этом на основании знакомства с его общими принципиальными положениями.

Но была эпоха в русском анархическом движении, когда Кропотки стоял в центре всей идейной русской пропаганды заграницею и его позиция в целом ряде жгучих вопросов была всем известна в нашей среде. Это было время революции 1905 года, приблизительно годы 1902-1907. И как не велика разница между положением тогда и положением теперь, нужно сказать, что многие вопросы, касающиеся *внутренней* жизни наших групп, стоят и теперь почти так же, как тогда, и далеко не потеряли своего значения. Отчасти споры, волновавшие в то время нашу среду, отразились в нашей печати, но только отчасти, целиком же они запечатлелись только в воспоминании участников. Их осталось теперь уже немного: одних, самых дорогих для нас — Кропоткина, Черкезова — нет в живых; другие ушли из нашей партийной жизни и перешли в чужие лагери. Поэтому может быть не лишним будет сообщить здесь молодым товарищам о некоторых из этих споров и об отношении к ним Петра Алексеевича.

В годы, предшествовавшие 1905, анархисты впервые выступили в России как обособленная партия, и жизнь сразу же поставила перед ними ряд трудных вопросов, тем более трудных, что наступившему моменту активной борьбы не предшествовал для них в то время период спокойного развития, спокойной подготовки. Анархические идеи проникли в Россию тогда, когда думать о выработке последовательной мысли было некогда: нужно было сейчас же действовать. В этом — причина многих ошибок того времени и страшной, нерасчетливой траты сил и жизней. И с самого же начала, анархическое движение разбилось на несколько течений: хлебовольцы, чернознаменцы, безначальцы. «Кропоткинцами» были, собственно, только хлебовольцы: остальные, хотя черпали свой идейный запас из того же самого источника и в теоретических своих взглядах ничем существенным не отличались, но в своей практической программе, в *приемах* своей деятельности были проникнуты духом, свойственным скорее анархизму индивидуалистического типа, чем анархизму — наследнику федералистического интернационала.

Однако, ко всем этим течениям, ко всем молодым начинаниям Кропоткин относился истинно по-братски, с величайшей терпимостью, даже если самым решительным образом расходился с ними.

Он любил и ценил всякое горячее молодое убеждение, раз оно было искренне, и, как бы не увлекался в споре какой-нибудь юноша, часто договариваясь до абсурдов, Петр Алексеевич слушал его с ласковой улыбкой, с мягким взглядом своих серых глаз. Но насколь-

ко он был снисходителен к горячей молодежи, настолько же высоки были его требования к зрелым, ответственным деятелям. Были черты, были приемы деятельности, которых Петр Алексеевич не терпел, к которым относился с положительны отвращением; его глаза становились тогда стальными и суровыми и его осуждение было бесповоротно. Он был безусловным врагом прежде всего, принципа «цель оправдывает средства» и всего, что связано с ним: всяких кривых путей, всякого «использовывания» людей, всякой закулисной работы в товарищеской среде, всякой тайной партийной дипломатии. Слово «нечаевщина» было в его устах всегда резким осуждением. Затем, он был всегда крайне чувствителен ко всему, что походило на призыв к опасному делу: право призывать к революционным актам он признавал только за тем, кто совершал их сам; поэтому в революционной литературе нет ни одной его статьи о терроре. Всякая *организация* террора, даже Боевая Организация с-р'ов, была ему заранее антипатична, как бы не были блестящи совершаемые ею акты.

Много споров по вопросам тактики велось в нашей среде. Помню, в декабре 1904 года в Лондоне собрался маленький с,езд; собственно, это был даже не настоящий с,езд (нас было всего 6-7 человек), а просто молодые русские товарищи приехали повидаться с Кропоткиным и посоветоваться с ним о русских делах. Перед анархическими группами в России остро стоял вопрос о добывании средств, т.е. об «экспроприациях»: оправдываются ли они с точки зрения революционной морали? Их признавали тогда — с оговорками или без оговорок — большинство русских партий; признавали их и анархические группы в России. Кропоткин категорически, ожесточенно высказался *против*. Он указал на то, какую деморализацию внесет она в революционную среду, как понапрасно тратятся из-за денег драгоценные жизни борцов, которые могут быть отданы за что-нибудь гораздо большее; особенно же настаивал он на том, что экспроприации нарушают трудовой принцип. «Только труд должен быть источником как личной жизни, так и жизни партии, говорил он. Пропаганда не нуждается в таких деньгах; наши газеты должны поддерживаться читателями, рабочими, сочувствующими; нам не нужны деньги буржуа, ни пожертвованные, ни украденные». И он рассказывал нам, как некогда газета Révolté в Женеве начала свое существование с капиталом в 28 франков — и сделалась органом, который положил начало всей анархической пропаганде во Франции, в Швейцарии, а оттуда и в других странах; мало того, газета с маленькими перерывами (и то не из-за недостатка средств, а из-за правительственных преследований) продолжала издаваться под разными названиями десятки лет (последняя газета этой серии — Temps Nouveaux, под редакцией Ж. Грава — прекратилась только с об,явлением войны, в 1914 году).

Кропоткин заклинал молодежь воздержаться от этого опасного пути, не поддаваться на его кажущуюся легкость. И так много убедительности, так много чувства было в его словах, что один из товарищей, приехавший из России убежденным «экспроприатором» плакал... Но это было — мимолетное впечатление: в общем молодежь стояла на своем. «Мы будем так осторожны, так добросовестны, что никакая деморализация не коснется нас», говорили они. «Если мы попадемся на экспроприации, мы скроем, что мы — анархисты; пусть лучше мы прослывем за простых воров, чем будет скомпрометирована наша идея», говорил один из приехавших. И, действительно, они были и честны, и осторожны, но это были *они*, а сколько было вокруг них людей, неспособных удержаться на требуемой высоте? Позже, многие на горьком опыте убедились, как прав был Кропоткин, но тогда противники «эксов» в анархической среде насчитывались единицами. — В высшей степени характерно, что, как ни был Кропоткин враждебен к экспроприациям, он никогда не нападал на экспроприаторов *публично*. Их свирепо преследовало правительство, их казнили военно-полевые суды — и этого было достаточно, чтобы Кропоткин раз навсегда отказался от свякой полемики с ними в печати. *Никогда не нападать на преследуемого* всегда было его принципом, и он выдерживал эту линию, как бы ни был велик соблазн повлиять таким образом на молодежь. Но он слишком бережно относился к приносимым ею жертвам и, прежде всего, бесконечно жалел ее...

В 1905 году революция вышла из подполья на улицу и перед нашим движением встали новые, более широкие вопросы. Всеобщая забастовка выдвинула на первый план задачи и пути рабочей организации. Помню приезд Кропоткина в Париж в сентябре 1905 года. Приехал он полулегально (над ним еще висел тогда декрет о высылке из Франции) и поселился у одного знакомого художника, француза. Собраний сколько-нибудь открытых устраивать было нельзя, но мастерская художника наполнилась анархическою молодежью, по большей части собиравшейся ехать в Россию. Центром разговоров было участие анархистов в профессиональных союзах. Это было время расцвета революционного синдикализма во Франции; товарищи, знакомые с этим движением, видели, какие широкие возможности скрыты в нем, и мечтали создать нечто подобное в России. Другие, наоборот, относились к профессиональным организациям свысока, как к слишком умеренным, и революционный дух видели только в босяцких элементах народной массы; работа в синдикатах казалась им уступкой, уничтожением анархического идеала; они боялись раствориться в массе. Различие было в исходной точке зрения: «синдикалисты» имели в виду главным образом задачи будущего и момент строительства; «антисиндикалисты» заботились больше о революционной, разрушительной работе сегоднешнего дня. Кропоткин в этих долгих и горячих спорах ставил главным образом, вопрос о том, какие условия могут обеспечить не только победу революции в борьбе, но и ее успех в создании нового общества, и указывал на то, что, худы ли, хороши ли организованные рабочие, буржуазны они, или не буржуазны по духу — все равно *без них* всякая революция будет обречена на неудачу;

ведь именно они призваны сыграть решающую роль в перестройке экономической жизни общества, а потому работа среди них особенно важна.

Позднее, в наших партийных спорах возник еще вопрос, до известной степени связанный с этим: об отношении к Советам Рабочих Депутатов — этому созданию 1905 года. Может ли анархист итти в Советы? Да, отвечали анархисты синдикалистской тенденции. Нет, отвечали более индивидуалистически-настроенные. Помню, этот вопрос был основною темою собеседования в товарищеской среде в один из приездов Кропоткина в Париж. «Можно итти в Советы», говорил он, «хотя я, лично, предпочел бы остаться в самой рабочей массе. Можно итти, но только постолько, поскольку Советы — органы *борьбы с буржуазией и государством*, а не *органы власти*». Кто мог предвидеть тогда, во что обратятся лозунги и практика Советов через 10 лет!

В 1906-07 годах Кропоткин вошел самым деятельным членом в редакцию газеты «Листки «Хлеб и Воля»», основавшейся тогда в виду прекратившейся возможности издавать что бы то ни было в России и вновь нахлынувшей за-границу эмиграции. В основу программы будущей газеты были положены краткие резолюции, принятые на небольшом предварительном с,езде в Лондоне; Петр Алексеевич придавал этим резолюциям широкое значение, как могущим об,единить вокруг определенной суммы взглядов работающих в движении товарищей. Эти краткие резолюции *) были разработаны всеми участниками совещения; канва, по большей части, составлялась Петром Алексеевичем, но он с таким вниманием относился к каждому замечанию, к каждой высказанной мысли, что получалась действительно коллективная работа. Нужно сказать, что если Кропоткин был противником решений по большинству голосов в теории, то он проводил это и в партийной жизни: расхождение между теорией и практикой, вообще, было ему неизвестно. Подсчет голосов, говорил он, это — легкий способ отделаться от вопроса, не обсуждая его и не пытаясь убедить друг друга; чтобы работа шла действительно хорошо, люди должны или согласиться друг с другом, или разойтись и работать отдельно. Механических слияний групп, механического подчинения каким нибудь комитетам он совершенно не признавал — ни в крупных делах, ни в мелочах. **)

Много сил положил Кропоткин на «Листки». Центром редакции был, правда, Париж, но печаталась газета в Лондоне и, помимо передовых статей в каждом № (газета выходила два раза в месяц), Кропоткину приходилось, силою вещей, нести на себе и ту редакторскую работу, которую приходится делать всегда в последнюю минуту перед выходом номера. Он пополнял столбцы газеты, если недоставало материала, давал библиографические отзывы о прессе других партий, находил интересные выдержки из писем, получавшихся из России, и т. д. Издание это, которое могло стать ценным орудием пропаганды в России, не имело, к сожалению, достаточной технической органинизации для переправки и распространения там; оно продержалось, поэтому не долго: меньше года.

Здесь, может быть, не лишне будет сказать несколько слов о том, какой взгляд был, вообще, у Кропоткина на партийную печать. Он не любил т. наз. «официальных органов» партий, или, вообще, крупных организаций, даже федераций групп. Вынужденный удовлетворяться требованиями всех, отражать все оттенки партийной мысли, такой орган, говорил он, поневоле становиться слишком осторожным, нейтральным, бесцветным. (Особенно это верно — прибавим мы от себя — когда речь идет об органе анархическом: в партии, где право голоса имеет только большинство, партийный орган может не заботиться о мнении *всех* партийных товарищей, а потому и не стать расплывчатым). Пусть лучше газета будет органом небольшой, но хорошо спевшейся между собой группы; если таких газет будет несколько — тем лучше: Газеты — не конкуренты друг другу; каждая из них будет захватывать свой круг читателей и дело от этого только выиграет. И газеты (русские и иностранные), в редакции которых соглашался выступать Петр Алексеевич, были всегда органами таких тесных групп. Он совершенно не признавал так называемых «дискуссионных» органов, без строго выдержанного направления; наоборот, самым желательным типом издания было для него такое, в котором все статьи — без подписи, и каждый готов подписаться под статьею другого и отвечать за нее (такова была газета «Révolté»).

Вообще, в организационном деле, Кропоткин был противником обширных групп, состав которых никогда нельзя проверить и где связь между членами слаба. Тесная же группа, хотя бы и немногочисленная, была в его глазах и лучшей гарантией товарищеских отношений, и — особенно в условиях конспиративной работы — и лучшей защитой от шпионов. Обширными же организациями должны явиться не группы, а свободные федерации их.

Многое еще встает в памяти из этой эпохи общей работы и бесед на темы внутренней жизни нашего движения, но приходится ограничивать себя, тем более, что все сказанное — не самое важное, не самое существенное. В русской революции мы, оставшиеся заграницею, были в течении целых годов оторваны от Петра Алексеевича; дело тех, кто имел счастье соприкасаться с ним в России, поделиться с нами тем, что они знают о его мыслях за *эти последние годы*.

В сущности только теперь открывается та эпоха, в которой Кропоткину следовало бы жить: эпоха строительства новой жизни человечества. Он был предвестником ее, он посвятил свою жизнь на то, чтобы ее приблизить и теперь его не будет среди строителей; пусть же те, на долю которых выпадает осуществление этого строительства, вдохновятся его мыслью и жизнью!

М. КОРН.

---

*) См. *«Листки Х. и В.» № 1.*

**) *Взгляд Кропоткина на организацию развит им в неподписанной статье в газете «Хлеб и Воля», № 18, статья «Организация или вольное соглашение».*

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ П. А. КРОПОТКИНА О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Прилагаемая заметка была написана П. А. Кропоткиным *не для печати, а для близких,* в ответ на некоторые вопросы его жены и дочери. Но так как она была несколько лет тому назад, передана А. П. Кропоткиной, дочерью Петра Алексеевича, в журнал «Рабочий Путь» и помещена там, мы перепечатываем ее теперь, как имеющую для всех товарищей существенный интерес.

23 ноября. Бурный разговор с С. и с С. Все те же вечные упреки, — зачем не выступаю с определенной программой — чего? действия? — Нет: «взгляда», общего взгляда на современные события

Вот мой взгляд.

Пережитая нами революция есть итог не усилий отдельных личностей, а *явление стихийное — не зависящее от человеческой воли,*а также природное явление, как тайфун, налетающий на берега Восточной Азии.

Тысяча причин, при которых работа отдельного человека, и даже партии являются одной из крупинок, одним из маленьких местных вихрей, содействовали, чтобы сложилось великое стихийное явление, — великая, либо обновляющая, либо разрушающая и обновляющая катастрофа.

Все мы, — и я в том числе подготовили этот стихийный переворот. Но его же подготовили и все предшествующие революции 1793, 1848, 1871 г.г. все писания якобинцев, социалистов, политиканов... все успехи науки, промышленности, искусства и т. д. — Словом, *миллионы* стихийных причин, как миллионы движений частиц воздуха или воды производят налетевшую бурю, которая топит сотни кораблей, или разрушает тысячи домов, — как сотрясения почвы в землетрясении вызванного тысячами мелких сотрясений и подготовительных движений частиц.

Люди вообще не представляют себе явления *конкретно, вещно,* мыслящие больше словами, чем продуманными образами, не имеют никакаго представления о том, что такое революция. Какие миллионы причин совместно работали, чтобы дать ей теперешний характер, а потому они склоны придавать непомерное значение в ходе революции своей личности и положению, которое *они* или их друзья и единомышленники займут в этом громадном перевороте. И, конечно, они совершенно не способны понять, как бессилен отдельный человек, каковы бы ни были его ум и опытность в этом водовороте сотен тысяч сил, приведенных в движение переворотом.

Они не понимают, что если началось такое великое

НАСЛЕДНИКИ БОЛЬШЕВИЗМА

Как известно, большинство политических партий пророчит большевизму более или менее близкий конец и занимается вопросом о его наследстве, — о том новом социально-политическом строе, который займет или должен занять место большевистской диктатуры.

Вопрос несомненно серьезный, имеющий важное значение для трудящихся России, именем которых, главным образом, клянутся все претенденты на наследие большевиков.

Нам, анархистам, в этом вопросе, как и во многих других приходится занимать исключительную, единственную в своем роде позицию. О ней мы скажем ниже. Вначале же, и главным образом, остановимся на тех «программах», которые разрабатываются ближайшими родичами большевизма — меньшевиками и эсерам. О кадетах и прочих несоциалистах мы находим излишним говорить здесь. В намечающемся сейчас политическом движении рабочих и крестьян России меньшевики и эсеры хотели бы занять руководящие места. Оснований для этого у них очень и очень немного, вернее никаких. Достаточно вспомнить их более чем некрасивое отношение к социальному перевороту в октябре 1917 г. Несмотря на это, мы то и дело видим, как они упорно выдвигают себя, то как подлинную «партию пролетариата» (меньшевики), то как партию социализма (эсеры).

Тон, в котором пишутся статьи «Воли России» (журнал «центра» эсеров) или статьи «Социалистического Вестника» (орг. меньшевиков), стремится внушить ту мысль, что именно в этих органах сконцентрирована квинтэсенция пролетариата и социализма и что именно единственно эти группировки способны внести реальные поправки к большевистскому опыту и спасти дело социализма в России.

В XI-ой книге «Воля России» за 1926 г. Сталинский в статье «Большевистское отступление», разбирая причину всех имевших место в ВКП оппозиций, приходит к выводу, что причиной этой является общее крушение «ленинского опыта» в России. Оппозиция прекрасно показала крупно буржуазный уклон большинства компартии, выяснила, в каком глубоком противоречии нынешний экономический строй большевиков находится с принципами подлинного социализма. Но та же оппозиция оказалась бессильной доказать, что компартия могла притти к иному, подлинно социалистическому результату. Партийная линия антисоциалистична, — это верно; строить по-сталински «уездный социализм» — нелепо и смешно. Но каковой же должна быть подлинно социалистическая линия партии и где гарантии того, что на помощь «уездному социализму» завтра придет мировая революция — на эти вопросы оппозиция не могла дать ответ, благодаря чему легко бы-

явление природы, как землетрясенье или вернее — как налетевший тайфун, то оказать какое бы то ни было влияние на ход событий, *отдельные люди бессильны*. *Партия* еще может кое-что сделать — гораздо меньше, чем это думают, но все-таки, хотя на поверхности набегающих волн ее влияние еще может быть чуть-чуть заметно. Но отдельные волны, не составляющие довольно многочисленной партии, безусловно бессильны; их силы безусловно равны нулю. Вообразите волну, вышиною в сажень, набежавшую на берег, и вообразите человека противоставляющего ей свою палку, или даже свою лодку.

Если к этому сводятся такие силы, то тебе — остается одно: переживать тайфун.

В этом положении стою я, анархист. Но в очень похожем на это положение, стоят сейчас в России даже более крупные партии.

Скажу больше. В таком положении, стоит и правящая сейчас партия. Она уже не правит, а ее несет течение, которое она помогла создать, но которое теперь уже в 1000 раз сильнее ее.

Вот была плотина, державшая массу воды. Мы все подтачивали ее. И я внес в это свою долю.

Одни мечтали направить воду по тесному каналу на свою мельницу. Другие мечтали проложить при помощи прорыва воды *новые пути* запруженной реки. Теперь она несется не на мельницу — она снесла уже мельницу, ни по предназначенному нами руслу — потому что произошел прорыв не в силу наших усилий, а в силу множества гораздо более крупных причин, сделавших возможным прорыв плотины. — И вот спрашивается: что же делать?

Запруживать плотину — нелепо. — Поздно.

Пролагать прорвавшейся воде новые пути — невозможно Мы готовили ей путь, который считали наилучшим. Но он оказался еще недостаточно глубок, недостаточно подготовлен когда случился прорыв, и вода не пошла по нем. Она рвется и ломает по другому пути.

Что же делать?

Мы переживаем революцию, которая пошла вовсе не по тому пути, который мы ей готовиоли, но не успели достаточно подготовить...Что же делать теперь?

Мешать революции? — Нелепо. Поздно. Революция будет итти своим путем, в сторону наименьшего сопротивления, не обращая ни малейшего внимания на наши усилия.

Теперь русская революция стоит в таком положении.

Она творит ужасы. Она разоряет всю страну. Она в своем бешенном остервенении истребляет людей: — потому она и есть революция, а не мирный процесс, что она ломает не глядя, что она губит и куда идет.

И мы бессильны пока направить ее по другому пути, вплоть до того как она изживет себя. — Нужно, чтобы она изжила свои силы.

А тогда?

Тогда — *роковым образом придет реакция.*

ла идеологически разбита Ц.К. партии.

— «Оппозиция, разрушая легенду о социалистичности хозяйственного строя, а большинство (Ц.К.) разоблачая утопичность оппозиционных программ, совместными усилиями выявили тот общий тупик, в который попал весь большевизм, как таковой в результате краха ленинизма». («В. Р.» № 11 Сталинский)

Как видно из приведенной небольшой цитаты, подход к большевизму довольно разносторонний и содержательный: тут есть и меткое указание на безусловно несоциалистическое строение большевистского хозяйства и указание на то, что ни оппозиция, ни Ц.К. не в силах уже пойти никаким иным путем, кроме пути нэпа, и наконец указание на крушение ленинизма вообще.

Столь же разнообразны и содержательны бывают подчас и меньшевики в своей критике большевистского экономического и политического строя. В «Социалистическом Вестнике» нам нередко приходится читать статьи, доказывающие, что большевистский «последовательный социализм» есть не более, как государственный капитализм, что «огосударствление» профсоюзов означает порабощение их государством и т. д.

Мысли, как у эсеров, так и у меньшевиков, здравые, способные заставить насторожиться всякого рабочего, мучительно ищущего подлинно социалистического выхода из большевистского тупика.

Однако мы должны констатировать, что мысли эти являются лишь декорацией, за которой кроется типичное буржуазное содержание. Не для наставления большевиков на путь полного социализма они высказываются, а исключительно чтобы показать последним, что жизнь сейчас против социалистического строительства, что «законов экономики» (читай законов капиталистического строительства) нельзя обойти и что на почве восстанавливающегося в России капитализма сотрудничество этих партий с большевизмом возможно. В этом мы легко убедимся, просмотрев несколько «программных» положений представителей этих партий.

Что касается эсеров, то после октябрского переворота они выдвинули теорию «трудового государства». «Трудовое государство — говорит Сталинский, — означает такой строй широкой демократии, в котором еще нет социализма, где *еще* существуют капиталистические отношения, но где уже власть находится в руках трудящихся, накладывающих свою печать, на эволюцию страны». Этот строй *«не означает* лишения политических прав *буржуазной части населения, а свободу и равенство для всех»* («В.Р.» 1924 г. XVI, цитировано по «Знамени борьбы» №№ 12-13).

Из приведенной цитаты видно, что трудовой строй эсеров — это доведенные до логического конца большевистский нэп и неонэп. Двумя годами позже тот же Сталинский это полностью подтверждает. Нынешний «социально-политический строй С.С.С.Р. можно было охарактеризовать, как своего рода промежуточный —

Таков закон истории, и легко понять, *почему иначе и быть не может.*

Воображают, что мы можем изменить ход революции — детская мечта. Революция — такая сила, что ее хода не изменишь.

И приход РЕАКЦИИ *абсолютно неизбежен*, точно также как неизбежно углубление поверхности воды позади каждой волны, как неизбежен в человеке упадок сил после лихорадочного повышения.

А потому все что мы можем сделать, это направить наши усилия, чтобы *уменьшить ее рост и силу надвигающейся реакции.*

Но в чем могут состоять наши усилия?

Умерить голос страстей, с той и другой стороны? Кто же нас станет слушать? — Во всяком случае, даже если есть дипломаты, способные сделать что нибудь в этой роли, — то время их выступления еще не наступило: ни та, ни другая сторона еще не расположены их слушать.

Я вижу одно: нужно собирать людей, *способных заняться построительной задачей, среди каждой из своих партий, после того, как революция изживет свои силы.* Нам, анархистам, нужно подобрать ядро честных, преданных, не с,едаемых самолюбием работников анархистов. И если бы я был моложе и мог видать сотни людей, — конечно *так*, как это следует делать, если хочешь собирать людей для общего дела...

Если такие «собиратели» анархистов найдутся среди товарищей, то я, конечно, готов им помогать. Тогда и писанья надо вести — но гораздо больше перепиской и личными связями, чем путем печати.

П. КРОПОТКИН.

НЕЛЬЗЯ МЕДЛИТЬ

Неотвратимое падение большевистской диктаруты ставит перед революционным авангардом рабочего класса, перед анархистами, неотложные задачи подготовки своих рядов к грядущим событиям. Одной из первых этих задач является об,ективная оценка революционных возможностей грядущего переворота. Не должно быть больше того положения, которое создалось для анархистов в 1917 г. Тогда события захватили анархистов врасплох и эта растерянность, и нерешительность, связанные с отсутствием определенного плана и программы действий, привели к захвату революционной инициативы большевиками и к созданию большевистского государства. Ныне же при падении этого государства анархисты с самого первого момента должны уяснить себе соз-

---

между капитализмом и социализмом — трудовой строй, если бы трудящиеся массы были политически свободны, если бы они могли самостоятельно управлять судьбами страны и ее хозяйством» («В. Р.», № XI 1926 г.)

Сталинский и вся партия эсеров не настолько наивны, чтобы не знать, что «управлять судьбами страны и ее хозяйством» трудящиеся массы не могут, раз само хозяйство страны не находится в их руках. А при нэпе, когда существует наемничество и заработная плата, когда производство держится на хозяйском расчете, хозяйство не может находиться в руках трудящихся, ибо находись оно в их руках, нэпа не было бы и в помине, а было бы нечто иное, что называлось бы, примерно, трудовой рабочей коммуной.

Следовательно, приемля нэп, как «трудовой строй», эсеры по существу ведут речь не о трудящихся, которыми пользуются, как ширмой, а о самих себе, о каолиции ряда социалистических партий с большевиками на почве нынешнего нэпа. В этом смысле они, несомненно, являются ближайшими наследниками большевиков. Препятствием в наследовании является пока что отсутствие политического нэпа, политического согласительного базиса, который надо думать, не за горами.

Таким образом, эсеровская гора социалистических жестов и социалистической критики родила самую обыкновенную капиталистическую мышь.

Еще более жалкую буржуазную мышь рождает меньшевистская гора.

«Платформа нашей партии в данную историческую эпоху об,ективно является единственной реальной возможностью для спасения революции». (Абрамович, « Соц. Вест» № 15-16, 1926 г.).

Сказано внушительно и гордо. У нас под рукой нет платформы меньшевиков. Но известно, что они рассматривают русскую революцию, как буржуазную революцию, которая освободила Россию от последних остатков крепостничества и «расчистила почву для бурного развития капитализма».

В сборнике «Проблемы революции» Гарви, говоря о том, что имевшиеся в 1920 году разногласия у меньшевиков теперь большей частью изжиты, пишет: «Достигнуто единство в оценке общего характера русской революции, как буржуазной, в признании неизбежности капиталистического пути развития русской экономики» (стр. 15).

Исходя из будущего социально-политического строя России, как строя буржуазно-капиталистического, Гарви пишет: «Теперь особенно вредно поддерживать в рабочем классе иллюзию о том, что он призван в ближайшую эпоху бурного капиталистического развития России обязательно играть роль правящего, командующего класса, делящего по соглашению власть с крестьянством и держащего буржуазию на политических задворках» (стр. 13).

«Завоевание политической власти для осуществления социализма станет для русского пролетариата непосредственной задачей лишь в будущем, когда для

давшееся положение и решить те задачи, которые им поставлены историей.

Уже одно выяснение себе сущности этого момента падения диктатуры показывает, какие огромные задачи этот момент ставит перед анархистами. Это не только падение данной диктатуры, но падение власти вообще на короткое время, т.е. время исключительно благоприятное для препятствования образованию новой власти. Всем известно, как слаба бывает каждая власть в момент ее возникновения. Как декреты и законы ее, при всей грозности тона, никем не исполняются. Эти периоды безвластия являются всегда в истории периодами бурных волнений. В эти моменты народы ясно выражают свою ненависть к давящей их гидре государственности, и поэтому стремлением всех государственников всегда было избежание периода безвластия. Во время абсолютной монархии формула «король умер, да здравствует король» выражала именно мысль о верховной власти, которая никогда не прерывается. А о переходе от монархического к демократическому правлению, во время которого разрыв власти бывает неизбежен, один буржуазный политик писал: «Революционные эпохи суть эпохи анархической свободы, когда «все позволено», падение монархии ощущается, как уничтожение вообще всякой власти и всякого права». Таким образом мы видим, какое огромное значение имеет момент падения *большевистской диктатуры* с точки зрения естественного конца власти. Анархистам в этот момент необходимо напречь все свои силы для революционного противодействия возникновению новой власти. Всякое промедление даст возможность новой власти укрепиться и тем подготовить новое жестокое поражение революции и новый удар анархическому делу.

Другим важным вопросом, который необходимо себе во время уяснить, это какие организации пролетариата способны вообще вести борьбу с зарождающейся новой властью. В теперешней России фактически не существует свободных рабочих организаций. Мысль и воля рабо его класса закована в кандалы коммунистической диктатуры. Что такое красные профсоюзы? — на этот вопрос компартия отвечает: «РКП в лице центральных и местных организаций безусловно направляет всю идейную сторону профсоюзов. Коммунистические фракции профсоюзов целиком подчиняются партийным организациям. Подбор руководящего персонала должен протекать при направляющем контроле партии». А как работают фабкомы и завкомы описывает «Труд»: «завком и ячейка работают сами по себе, а массы живут своими интересами, сами обсуждают свои вопросы, обсуждают с такой откровенностью, какую редко услышишь на собраниях». Мы видим таким образом, что рабочие живут своими интересами помимо созданных коммунистами организаций. Эти последние теряют всякое значение, ибо жизнь фактически проходит мимо них. И списки миллионов членов этих организаций не могут больше никого

Таким образом мы видим, что «единственно спасительная платформа» меньшевиков ведет к насаждению в России полноводного капитализма, где рабочему классу отводится очень скромная роль — отстаивание элементарных политических прав перед господствующей буржуазией и где социал-демократия будет «вести борьбу с буржуазными, в частности, фашистскими влияниями в рабочем классе с одной стороны, с анархо-синдикалистским — с другой» (стр.13).

Непонятно только, каким образом хитроумные меньшевики собираются организовать на этой своей платформе рабочий класс и повести его на восстановление капитализма, от которого русские рабочие так усиленно стремились освободиться в 1917 году. Это, должно быть, тонкости марксистской диалектики, недоступные пониманию простых смертных.

Думаем, однако, что как эсеровское, так и меньшевистское детище ни в какой мере не вдохновят русских рабочих и крестьян. Да и не для них эти детища создаются. Они обращены исключительно в сторону власти в качестве согласительной с нею базы: соперники по власти хотели бы аккуратненько между собой договориться. И в этом специфическая черта эсеров, меньшевиков и других государственнических партий. Ни одна из них не рассматривает русскую революцию, как таковую, как могучее творение рабочих и крестьян. Наоборот, они главным образом и исключительно говорят о ней, этого созреют, как об,ективные, так и суб,ективные предпосылки (стр. 14).
как о «неудавшемся большевистском опыте», тем самым зачеркивая великие, подлинно-революционные попытки и творения масс, и видя перед собой лишь одну силу, — господствующую партию, каковой и они хотели бы и могли бы быть.

Русская социальная революция неизмеримо шире «большевистского опыта» и если она не удалась, то именно благодаря преступному государственническому опыту большевиков, удушившему лучшие социально-творческие силы и возможности трудящихся.

Наша позиция ясна. Мы никогда к власти не стремились, зная, что всякая государственная власть есть ничто иное, как организованный грабеж труда. Меньше всего мы можем заботиться о наследовании большевикам в смысле перенятия от них руководства.

Своеобразие и исключительность наших позиций в данном вопросе в том и заключаются, что мы всегда критиковали и осуждали большевиков за их насилие над волею и силами трудящихся в революции. И теперь, когда зреет государственный сговор демократических элементов, мы более, чем когда-либо должны направлять свое внимание и свои усилия в сторону трудящихся.

П. АРШИНОВ.

обманут. Это только мертвые души. *) Жизнь сосредоточена на фабриках и заводах там, где по признанию «Труда» «рабочие обсуждают вопросы с такой откровенностью, которую редко услышишь на собраниях».

Как же будет реагировать рабочая масса, фактически пока неорганизованная, на грядущие события. Мы видим, что эта масса не спит, она только перенесла центр своей борьбы вглубь фабрик и заводов и потому со стороны кажется как будто «все благополучно». Но когда настанет благоприятный момент, все переменится. Нам хотелось бы привести люпытный исторический пример, который показывает, каким образом кажущаяся рабочая пассивность обращается в рабочую активность.

Во время войны положение рабочего класса Германии ухудшалось с каждым днем. Соц.-дем. партия служила верным лакеем буржуазии и поддерживала войну. Профсоюзы, считавшие тысячами своих членов, находились под зорким оком соц. партии Шейдеманов и Носке. Словом, все организации пролетариата оказались захваченными предателями, служившими буржуазии. И это при осадном положение и диктатуре военной клики. И вдруг, как гром с ясного неба — забастовка в июле 1916 г. Бастовали в Берлине 55.000 человек. Первое чувство социал-демократических предателей, которые, казалось, крепко держали связанным рабочий класс, было растерянность и испуг. Кто и как мог организовать пролетариат, минуя все его дотоле существовавшие формы организаций ? Поиски виновных привели к раскрытию самочинных фабричных комитетов (т.н. «Fabrikkomitees»), которые сами организовались на каждой фабрике, на каждом большом заводе. Все усилия соц.-демократов ввести движение в «легальные» рабочие организации ни к чему не привели. Также как и наказание зачинщиков. В апреле 1917 г. те же комитеты организуют уже политическую всеобщую забастовку. Бастуют 300.000 чел. Наконец, в январе и феврале 1918 г. всеобщая забастовка насчитывает уже 500.000 человек. И все это помимо и даже против воли профсоюзов и «социалистических» партий. За февралем 1918 года следует новый удар в ноябре, начавший германскую революцию.

В России положение рабочего класса сейчас напоминает положение немецких рабочих в 1917 году. «Осадное положение — диктатура, все легальные рабочие организации в руках власти. Но пример германской революции учит нас, что в таких случаях рабочая жизнь уходит вглубь фабрик и заводов, о чем свидетельствуют также вышеприведенные признания «Труда». И в удобный момент из глубины этих фабрик появятся самочинные фабричные комитеты, которые согласованными ударами положат конец диктатуре, как это было и в Германии. Но в Германии эти фабричные комитеты, были в процессе наступления контр-революции впоследствии захвачены соц.демократами и погибли. Задача русских анархистов будет заключаться в том, чтобы не дать этим самочинным рабочим организациям попасть в руки контр-революционных политических партий, а руководя работой комитетов и увеличивая максимально их революционную деятельность направить их удары против всякой вновь возникающей попытки власти и таким образом осуществить свою историческую миссию — освобождение рабочего класса от пут государства и капитала. Я. ЛИНСКИЙ.

*) *Оживить эти организации можно было бы только созданием революционного меньшинства, которое вело бы критику диктатуры и борьбу с ней. Но благодаря бдительности ГПУ попытки создания такой организации с самого начала обречены на провал.*

О НАШЕМ ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ РАССЛОЕНИИ И НАШИХ ЗАДАЧАХ

Идейное расслоение, которое произошло в русской анархической среде заграницей, параллельно произошло и в других анархических центрах. Этот факт надо подчеркнуть и на нем остановиться, дабы доказать, что процесс этот является результатом не личных или групповых выступлений, а ступенью развития нашего международного движения.

Так, за последние годы в итальянской среде особенно ярко определилась идейная школа, которая долгие годы подготовляла и подготовила своих учеников: это анархо-коммунистическое, строго организационное течение, которое группировалось вокруг журнала Эрико Малатеста «Пенсьеро э Волонта». К нему примкнули и его обосновали в первую голову Малатеста, Луиджи Фабри, и Карло Маласки, а далее, ее молодые сторонники, Гуго Трене и Бернери. Как в русской, та и в итальянской среде сторонники этого течения считают идейное единство необходимым условием организаций. Как здесь, так и там отграничение от всякого индивидуалистического уклона. Как здесь так и там строго организационный подход. Как здесь, так и там творческая программа на второй день после революции. Только с той малой разницей, что на итальянской почве течение это имело достаточено времени и сил развиться всесторонне, притом внутри самой страны.

И как в русской, так и в итальянской среде появились апостолы «синтеза», певцы идейной неразбирихи. Им отвечает Фабри, что: «Всякое сотрудничество и всякое соединение, которое потребует от одной из сторон искривления собственной линии затушевывания собственной идеи, отказ от собственных возрений, не сумеет существовать — несмотря на то, что «синтез» произойдет только между друзьями — не продержится долго и не даст хороших результатов». Им отвечает Малатеста: «Думаю, что для разрушения жандарма, и всех других проклятых социальных организаций, надо знать, чем это заместим не на более или менее далекий завтрашний день, но внезапно, в самый день разрушения».

Этого достаточно, чтобы доказать, как аргументы повторяются.

Во французской среде больше всего влияние «синтетического» уклона. Но, если в русской среде воспевание неразберихи происходит в плоскости беспочвенной фразы, если оно выразилось только в форме нескольких противоречивых и явно несостоятельныжх статеек, — то во Франции в руки «смешанников» попала вся организация и они уже успели разбить и сгноить все движение, и раньше всего его молодежь. Правда, это же вызвало мощное противодействие в рядах французского движения, которое теперь стремится освободиться от мешанины и хаоса.

И в испанской, и в португальской, и в немецкой среде тот же самый процесс идейного расслоения в той или иной степени произошел. Он — ступень развития нашего движения. Он ознаменовал себя *в международном масштабе*.

Теперь перед сторонниками анархо-коммунистического движения стоит определенная задача: не дать ограничиться этому процессу пределами той и другой страны. Идейная дифференциация анархизма должна произойти в международном масштабе и найти свою международную *организационную* форму. Оформить и соединить социально-здоровую часть нашего движения, отбить и отколоть ее от ее гниющей хаотической части и встать на реальную базу социальной борьбы — вот *первая* задача.

Повторяем: *первая*, ибо без разрешения ее, никакая серьезная социальная работа наша немыслима. Сейчас мы должны перед трудящимися отвечать за безответственность и часто, пошлость, идейную путаницу других. Сейчас мы не можем заявить, что с ними у нас ничего общего нет. Мы должны терять время на дискуссии с теми, кто ничему не научился, когда уж давно пора была чему-нибудь научиться. В этих условиях говорить про нашу социальную задачу не только трудно, но и невозможно.

Потому: первая задача. И как всю нашу работу, надо и эту первую задачу провести с методом, организационно. Вот почему на повестку дня наших дискуссий надо поставить задачу идейного расслоения и идейной кристаллизации нашего движения.

При этом возникает вопрос, как именно к этой задаче подойти. Раньше всего надо отметить два неправильных подхода.

По первому следует приступить раньше всего к собеседованиям и дискуссиям в смешанной неорганизованной среде. И только когда создастся строго единая совместная платформа, можно будет приступить к организационной работе.

По второму следует, несмотря на все возможные тактические разногласия, приступить к совместной организационной работе, а программа «сама придет».

Ошибка этих подходов заключается в том, что сторонники их считают организационную и идейную работу разделенными между собою считают возможной идейную дискуссию вне организаций, или же организационную работу вне идейного единства, в случайном сообществе хотя бы и анархистов.

К чему ведут идейные собеседования без организационной работы? Идейная дискуссия теряет реальную практическую форму; отходит от своих определенных границ, принимает характер безответственной болтовни и вместо об,единения сеют хаос мнений без всяких обязанностей.

К чему ведет организационная работа без идейного единства? К ненужной трате энергии на внутренние споры и несогласия, к внутреннему параличу организации. Наш подход к идейной кристаллизации движения характеризуется определенным методом. Мы подходим к задаче с организационной и идеологической стороны *одновременно*.

Идейное расслоение, как указано вначале в более или менее яркой форме произошло уже в международном масштабе. Дабы оно не заглохло в мелких дискуссиях, дабы наше дело могло принять более осознанные и устойчивые формы, надо ему изыскать широкие устои международного характера. Словом, надо создать международную анархо-коммунистическую организацию. Ее размеры? Пока небольшие. Надо прежде всего провести подбор сил во всех национальных движениях, считаясь с их традициями борьбы.

Ее форма? Международная федерация, с теми основаниями, которые определены в «Организационной Платформе» Группы Русских Анархистов Заграницей.

Ее работа? Находясь внутри тех анархических организаций, которые существуют, она будет стремиться выявить и увлечь за собой живые силы анархического движения каждой страны. Поведет среди своих сторонников работу идейного оформления. Будет вести эту работу независимо от других анархических организаций за своими пределами.

Ее перспективы? После того идейного расслоения, которое неминуемо, она станет той организационной базой, на которой сумеем построить наш интернационал.

Скептики по профессии и по позе, которых всегда много во всякой эмигрантской среде пожмут плечами. Тем не менее и не смотря на это наша организационная работа на определенной идеологической базе в международном масштабе не только нужна, она *необходима*. И она в то же время осуществима.

М. РАНКО.

ПО ПОВОДУ ПИСЕМ П. А. КРОПОТКИНА ОБ ИНДИВИДУАЛИЗМЕ (1902)

Мы получили от тов. М. Неттлау следующее письмо:
«В своих коментариях к письму П. Кропоткина к Черкезову от 4 окт. 1902 года («Дело Труда», № 19), тов М. Корн говорит о письме, адресованном Кропоткиным мне в первые месяцы 1902 года (перевод этого письма напечатан в Suplemanto к La Protesta), и резюмирует мысли, высказанные мною письменно Кропоткину «насколько можно судить из ответа Кропоткина, я, предполагает М.К., утверждал, что анархическое движение много потеряло, «оторвавшись от той, индивидуалистически настроенной интеллигенции, которая симпатизировала ему в 90-х годах, и занявшись, главным образом, пропагандой в рабочих союзах»... Т-щу Корн остались, вероятно, неизвестными мои примечания к письму, помещенному в Suplemento: несомненно, что если судить только по ответу Кропоткина мне, то можно вывести именно такое заключение. Но хотя у меня не сохранилось копии моего письма, я достаточно хорошо его помню и у меня есть достаточно других моих рукописей той же эпохи, чтобы утверждать, что такое понимание не соответствует действительному содержанию моего письма.

Никогда, ни в мыслях, ни в письмах я не защищал таких индивидуалистов, каких выводит и каких разбивает Кропоткин. Но с грустью видел постепенное сужение широких анархических идей в эти годы, начиная с 1895, и зарождение синдикализма — панацеи, который казался легким и доступным решением вопроса и гипнотизировал в то время стольких товарищей. И я говорил Кропоткину о растущем зле, которое представляет собою отделение анархизма от живых умственных и нравственных задач нашей эпохи и его отождествление, полное или почти полное с революционным «увриеризмом».*) Я говорил, вероятно, что, вполне признавая громадную ценность синдикализма, я считаю, что он никогда не может быть для нас *всем*, и что мы должны снова вернуться к задачам, интересующим лучшие умы нашего времени. Я говорил, вероятно, что то, что отталкиваем многие свободные умы от коммунистического анархизма (и во сто раз больше еще от революционного синдикализма), это — презрение, выражаемое им, Кропоткиным, и другими по отношению к индивидуализму; им кажется, что если они опровергнут надутую ученость Б. Р. Тукера, аристократизм Ницше, грубый эгоизм некоторых других, и т. д., они уничтожат или опровергнут индивидуализм. Я говорил, что вся эта легкая полемика никогда не заглушит естественной потребности людей иметь, прежде чем броситься в социализм (будь он даже самим анархическим коммунизмом), известные гарантии своей индивидуальной свободы, как производителей, как потребителей, как личностей. Они могут добровольно отказаться временно от пользования этой свободой, тогда когда они находятся в дружеской, альтруистической среде — подобно тому, как самый серьезный человек может, у себя в семье, позволить детям дергать себя за бороду или ездить на себе верхом; но они всегда захотят оставить за собой право делать это, или не делать. Может быть, я говорил (как я думаю уже давно), что каждый захочет — и будет иметь право — быть самому судьею той дозе, той пропорции, в которой должны быть смешаны между собою индивидуализм, (т. е. оставленная за собою личная свообода) и коммунизм (т. е. добровольный отказ от своей свободы в пользу совместного сотрудничества и солидарности, как предподчтительных в *данном частном случае*). Один предпочтет дозу в 0,99 первого и 0,01 второго; другой — в 0,01 первого и 0,99 второго, а затем будут еще бесконечные градации между этими крайностями, и люди будут об,единяться между собою соответственно своим вкусам в этом отношении.

На это Кропоткин ни в своем письме, ни в разговорах, которые были у меня с ним до и после, не отвечал ничего. Как только заговаривали об индивидуализме, он выходил из себя и напускался на Ницше, на некоторых французских литераторов с буржуазной душою на некоторых анархистов из числа «иллегалистов» *), или на бессердечных тукеринцев; тогда он говорил именно так,как в своем письме 1902 года, или еще с большей горячностью. И он строил свой individualismus kommunisticus (коммунистическийи ндивидуализм), который для него, был единственным, имеющим цену, а по моему скромному разумению, предста вляли представляет собою только *личный* индивидуализм Кропоткина, наиболее подходящий к его собственной личности и в силу этого специального характера своего, крайне редкий, если не единственный в своем роде. Пятьдесят других оттенков имеют такое же право на существование, как и его, как бы прекрасен последний не был.

Вот что я хотел бы установить, не разбирая вопроса по существу. Та подготовительная умственная работа, те мысли, которые выражены были впоследствии в *Этике* (начавшей печататься статьями в «Nineteenth Century», с августа 1904 года, но прерванной после второй статьи, русской революцией 1905 года) — все это уже в 1902 году жило в уме Кропоткина, и он воспользовался случаем, как бы для пробы так сказать, высказать эти мысли в письме. Потому то он и переходит в этом своем письме так легко от моих замечаний

*) *«Увриеризм» — французский термин, означающий одностороннее увлечение интересами одних только рабочих.*

*) *«Иллегализмом» называется среди французских анархистов люди, систематически проповедующие пользование незаконными средствами (особенно — экспроприациями).*

к своим собственным любимым мыслям того времени; я же послужил ему как бы мишенью. Я это всегда знал; я увидал это, как только открыл его письмо, и никогда не был обижен на это. Но мне хочется, чтобы теперешние читатели не заблуждались относительно моих взглядов того времени, которые остаются моими и теперь. Поэтому то я и позволил себе эту небольшую поправку.»

М. НЕТТЛАУ.

29 дек. 1926.

БЕСЕДЫ С ЧИТАТЕЛЯМИ

Уважаемый товарищ Ф-н, вы обратились в редакцию Дела Труда «с просьбой осветить некоторые вопросы анархизма, неясные для вас». Вопросы ваши представляют, однако, столь существенный интерес для большинства молодых работников анархизма, что будет более продуктивно дать на них печатный ответ, дабы ответ мог быть достоянием и других читателей «Дела Труда». Это нужно и важно и потому, что многие читатели в переписке с журналом Д. Тр. затрагивают вопросы, аналогичные вашим.

Чтобы ввести других читателей в курс настоящего собеседования, считаю за лучшее повторить полностью ваши вопросы.

Вы пишете :

1. «...Какова роль анархических групп или анархистов-одиночек на 2-ой день социальной революции. Должны ли они входить в советы рабочих и крестьянских депутатов, с тем чтобы бороться по разрушению и этого, хоть и социал., но безусловно органа насилия. Если должны входить, так ведь, пожалуй, будет пахнуть стопроцентным парламентаризмом, а с другой стороны не входить в эти советы и бороться по их разрушению вне их, будет ли это иметь достаточный результат ?

2. Предположим, что (хотя бы в России) имеется несколько фабрик, на одной из них положение рабочих куда лучше, чем на соседней. Должны ли рабочие первой фабрики проводить у себя 6-ти вместо 8-ми часового рабочего дня, не взирая на рабочих остальных фабрик, где с трудом удается удержать 8-ми часов. рабочий день, или же они должны сдавать лишние продукты своей работы в государство? Вот если рабочие захотят провести на своей фабрике 6-час. раб. день, не станет ли это разрывом пролетарской солидарности ?

С точки зрения федерализма, это кажется и допустимо, но все-таки на мой взгляд, это может сильно повредить делу строительства анархического общества.

Между прочим у Бухарина имеется в его «Азбуке» указание на подобный пример, где он утверждает, что с точки зрения чистого анархизма это так и должно быть, дескать рабочие хорошо оборудованного завода, должны работать, после социальной революции, положим— 4—5 час., а рабочие плохого, необорудованного завода должны работать 8 или более час.

Каково действительное мнение русских анархистов по этому вопросу.

3. Вам, вероятно, приходилось читать орган немецких анар.-комм. « Der Freie Arbeiter » и наверно обратили внимание на предостережение и указание опасности предстоящей войны. Нет № газеты, где бы об этом не писалось 2-3 статей.

Безусловно, указывать на опасность, это уже одно хорошо, но все-таки они не делают, как мне кажется, нужных из этого выводов. Орган подвергает суровой критике образ действий как социал-демокр. так и коммунистов, имеющих свои военные организации, говоря, что это есть милитаризм и пр. Но как нужно действительно преодолеть опасности войны с точки зрения анархистов, об этом орган глухо молчит.Нужно бороться всякими средствами подходящими — понятие сопротивления довольно таки растяжимое. Как раз соц.- демокр. или коммунисты в спорах со мной, указывают, что способ сопротивления представленный своей пролетарской военной организацией, есть самый рациональный.

В этом вопросе крепко сдаю, путаюсь и вхожу в противоречия с самим собой.

4. Как Группа смотрит на индивидуальный террор (и в частности в России); не может ли факт пропаганды действием, повлиять на революционизирование рабочих масс? Я согласен, что единичными бомбами революции не сделаешь, но так как русский трудовой класс далеко шагнул в сравнении с рабочим классом Европы, насквозь пропитанным парламентаризмом, по усвоению и завоеванию социализма, то я склонен к тому, что акт террора, может иметь в данное время двоякое значение первое это поможет воспрянуть духом трудовым револ. массам (конечно, имею в виду, что акт будет сопровождаться «каракозовским письмом»); и второе доказать власти, что пришла новая смена борцов революции, этим лишний раз подчеркнув, что русская революционная молодежь, не вся-то идет ради некоторых материальных благ, в комсомол.»

Постараюсь ответить, при этом вынужденно сжато, на поставленные вопросы.

1. Свободный строй советов мы представляем себе не ввиде большевистской исключительно политической системы советов рабочих и солдатских *депутатов*, а ввиде социально экономической системы рабочих и крестьянских *производственных и потребительских организаций*.

В эти советы анархисты должны входить, если их пошлет туда рабочая масса, как *членов* производственных и потребительских организаций. Но входить в эти советы анархисты должны не с целью их разрушения, а для творческой положительной работы. Ибо такие советы явятся *первичными органами* свободного бесгосударственного общества трудящихся, за которое мы боремся.

2 Могут ли рабочие какой-либо одной фабрики вво-

дить 6-часовый рабочий день в то время, как рабочие соседних фабрик с трудом удерживают 8-часовый рабочий день.

Вопрос этот может охватить два момента. Во первых, когда хозяевами явятся рабочие (конечно, не фиктивными хозяевами, как в большевистском царстве, а подлинными) и во вторых, когда хозяевами являются капиталисты или государство.

В первом случае ни о каком государстве, куда бы следовало сдавать «излишки», говорить не приходится, ибо в этом случае *все рабочие* будут иметь одинаковую возможность уменьшить длину рабочего дня и если найдут необходимым, уменьшат равномерно, *применительно к специфическим условиям* производства различных отраслей. Это значит, что в наиболее тяжелых отраслях прибегнут к большему сокращению, в наименее тяжелых и более привлекательных прибегнут к меньшему сокращению.

Принципиально и фактически по анархизму все производство должно быть единым, единой мастерской трудящихся, в которой *все* трудящиеся работают на равных, одобренных всем рабочим классом условиях. Понижение рабочего дня в какой-либо одной фабрике, в то время, когда остальные фабрики будут придерживаться более продолжительного рабочего дня, действительно явится разрывом рабочей солидарности. Такие акты в свободном обществе недопустимы, ибо они породят привиллегии одних за счет других. Ни федерализм, ни какие-либо другие принципы анархизма не могут оправдать этих фактов.

Иначе обстоит вопрос, когда рабочие работают на капиталистических или государственных фабриках. В этих случаях рабочие каждой отдельной фабрики, на правах авангарда борющегося с капиталом труда, могут улучшать положение на своей фабрике путем увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня. Этим нисколько не будет нарушена солидарность трудящихся; наоборот, — рабочие таких фабрик должны рассматриваться, как передовой отряд рабочего класса.

Бухарин в своей «Азбуке коммунизма» врет, как сивый мерин по адресу анархизма и врет при том сознательно. Он знает, что революционный коммунистический анархизм никогда не выставлял таких нелепых положений, которые он ему приписывает. Но Бухарину, как присяжному большевистскому писаке, видящему в анархистах единственных и опасных разоблачителей государственнической теории марксизма, необходимо унизить анархизм и он ради этого не брезгает никакими средствами.

3. Наши средства борьбы против милитаризма.

Несомненно одной антимилитаристской проповеди не достаточно. Анархисты поэтому выдвигают, как практические меры пресечения войны, *всеобщую* стачку трудящихся, вооруженное восстание, ниспровержение власти и государства и установление революционно-трудового строя, с революционными органами защиты территории восставшего труда.

Но о какой революционной военной организации может итти речь в рамках капиталистического строя? Если такая организация и возможна, то, по условиям строжайшей конспирации, в крайне ничтожных размерах и поэтому не сможет играть какой-либо значительной роли в борьбе с начавшейся войной.

Если же социал-демократы и коммунисты говорят о пролетарской военной организации в своем «социалистическом государстве», то они нисколько не решают вопроса уничтожения войны, а еще более запутывают его. Военное столкновение двух или нескольких государств — все равно капиталистических или социалистических — *есть настоящая война.*

4. Индивидуальный террор всегда требеут *наличия* политических и психологических предпосылок, которые помогли бы освещению и выявлению заложенной в террористическом акте цели. Если индивидуальный террор не сможет быть раз,яснен широким массам труда в его настоящем смысле и значении, а наоборот, будет враждебной стороной с успехом представлен массам в извращенном виде, то он, конечно, принесет вред.

Иное дело, когда атмосфера подготовлена, насыщена необходимым боевизмом и сторона, приближающаяся к террору, имеет достаточную возможность его освещать и раз,яснять, — в этом случае акты индивидуального террора, явятся первыми проявлениями гнева масс, возбудителями их революционной воли и революционной страсти. Так было в 1905-7 гг. в России. Теперь положение многим отличается от предыдущего. Произошел целый ряд важнейших изменений — политических, социальных, классовых. Политические группировки радикальным образом переместились. И чтобы говорить о терроре, всю эту огромную и сложную систему изменений и перемещений необходимо изучить, понять, знать. При этом всегда надо помнить, что индивидуальный террор является актом партийной и политической целесообразности, партийной и политической стратегии, но меньше всего актом личного отмщения.

П. А.

ПРИМЕР, НЕДОСТОЙНЫЙ ПОДРАЖАНИЯ

(Из истории анархического движения Сев. Америки)

Печальный итог работы анархистов в течение многих лет в Америке выразился в появлении в свет безликой газеты «Рассвет» в 1924 году. В начале своего существования газета эта, находясь еще под контролем, хотя и слабых, нескольких количественно и качественно в свою очередь слабых организаций, время от времени уделяла скупо место на своих страницах материалу идейного характера, накопившемуся в период существования «Американских Известий», присланному из Москвы. С течением же времени материал этот иссяк; москвичи перестали, должно быть, снабжать газету своим материалом, вероятно поняв, что она не заслуживает их поддержки. Наконец, оранизации, оставленные более выдержанными товарищами из-за их причастия к Рассвету, прекратили давать указания идейного характера и благодаря всему этому, газета оказалась вполне свободной в своих пресмыкательствах перед разными, враждебно настроенными по отношению освободительного движения элементами русской колонии. Понятное дело, что благодаря этой тенденциозности, газета потеряла тот престиж, которым пользовались «Американские Известия» у рабочей части русской колонии, и этим самым газета обезвредила себя в смысле проявления дурного воздействия на новые начинания анархической организованности в Америке.

Нет надобности теперь выступать против «Рассвета». Но так как он заканчивает собой, как уже указано выше, процесс упадка движения, то во избежание повторения этого в будущем следует анархистам выяснить причину этого упадка.

Каждая причина, понятно, порождающая хорошие или плохие последствия, имеет свою предпосылку. И, странно, предпосылкой в данном случае явилось как бы, вполне естественное стремление анархистов вообще подойти с агитацией своей вплотную к рабочим, быть с ними вместе и жить их жизнью. Верные своему учению, придерживаясь свойственной революционерам той точки зрения, что благоприятный исход всякой революции зависит от соответственной ее целям подготовки рабочих масс, некоторые из анархистов подняли вопрос о более тесной связи анархического движения с русской колонией. Но они при этом, особенно в годы «Рассвета», допустили ошибку, роковым образом отразившуюся на движении: они встали на путь приспособления к различным предрассудкам колонии. Им захотелось переделать всю русскую колонию на анархический лад сразу, а для этого очень соблазнительным казалось соприкоснуться с общеколониальной психологией что неизбежно вело к поддержке в ней различных предрассудков.

Мысль — теснее связаться с колонией — мало по малу получила впоследствии поддержку большинства передовых работников движения. Они склонив на свою сторону союзы, добились в 1918 году издания еженедельного органа «Рабочий и крестьянин» с претензией на общеколониальное руководство. Таким образом анархисты наградили колонию беспартийным органом, требовавшим в силу своей сути от них понижения своего революциноного настроения и тона, чтобы не нагнать сразу страха на обывателя, который ни под каким видом вообще не желает согласиться с мыслью об изменении действительности, в которой он находится, была бы она самой ужасной и невыносимой.

Сущность этого нового предприятия освободила анархистов от основных принципов учения. Верные этим принципам вообще, они в силу постановки дела, должны были отказаться от руководства ими в выборе сотрудников для нового органа, издававшегося на счет Федерации Союзов. Поступившись своими принципами, они дали повод другим повторять это же самое и до тех пор, пока от принципов в умах многих членов движения остались в конце концов только смутные представления о них. Что касается новых сотрудников нового дела, из числа которых выделились личности, ставшие впоследствии руководителями движения, то они нигде и ни в чем не руководились анархическими принципами. Более того, они далекие от восприятия учения об анархизме, сознательно вредили тем, кто, симпатизируя движению, просто не зная, чем руководствоваться и как действовать в его укреплении, несознательно уклонялся от принципов.

Следует заметить, что разгром в 1919 году Федерации Союзов Русских Рабочих открыл широкий простор для роста анархизма общеколониального типа на общеколониальной почве, подготовленной по ошибке самими анархистами, высланными из страны реакцией, которые благодаря своей выдержанности и знанию революционного дела могли препятствовать до поры до времени росту этого типа. Но раз возможность препятствия была устранена, то во вновь кое-как сформированные анархические ряды из остатков федерации втиснулись новые лица, не имевшие в рядах анархистов равных себе в отношении интелектуального развития и оказавшиеся поэтому вполне свободными в своих действиях. Как беспринципные, они оказались вполне достойными нового предприятия и способными довести его до логического конца. Таким образом общеколониальный анархист укрепившись прежде при «Американских Известиях», издававшихся легально и группировавших вокруг себя массовые организации, — каким-то образом, должно быть благодаря своему интелектуальному превосходству, приобрел доверие членов Федерации «Волны» и стал руководителем и этого органа, свел анархически-групповую работу на нет, действуя упорно на общеколониальной почве.

В результате этого, психология общеколониального анархиста стала играть в рядах групповиков, членов «Волны» доминирующую роль. Интерес у них к круп-

ной работе совершенно пал. Поэтому и вместо этого появилась у них сильная тяга к поддержке «Американсих Известий», к которым они раньше относились отрицательно, несмотря на то, что «Ам. Из.» куда выше стояли«Рассвета» во всех отношениях, хотя бдительность реакции тогда не совсем ослабла. Таким образом, анархист общеколониального типа рос и развивался беспрепятственно после реакции, пока совершенно не разрушил движения. Теперь его рост приостановлен, ибо нечего разрушать. Остается лишь жить изолированно от анархического элемента и укрепляться на общеколониальной почве.

Но и здесь его благие порывы не особенно то принимаются в расчет истинно-национальным элементом, руководящим теперь и властно командующим национальными организациями. Этот элемент, учитывая опыт русской революции, смотрит на общеколониального анархиста тоже, как на своего врага; принимает против него все меры предосторожности, думая наивно, что общеколониальный анархист для него опасен.

Впрочем общеколониальный анархист во всех колониальных начинаниях, в которые он упорно лез и теперь лезет, садился в лужу, барахтаясь в ней и издавая оттуда вопль отчаянья. Подведенные им под колониальный фасон организации падали до последней степени унижения своего рабочего достоинства. На общеколониальном, в ковычках, с,езде 9 октября 1926 года в Филадельфии, например, достигнуто было об,единение Обществ Взаимопомощи старых, национального характера с прогрессивными Обществами Взаимопомощи, руководимыми колониальным типом анархиста и перекроенными на скорую руку им на колониальный лад не задолго до с,езда. И так как национальные общества благодаря провалу русской революции количественно и качественно значительно окрепли, то их устав, не приемлимый для анархистов вообще, принят колониальными анархистами с охотой. Компромис с их стороны был полный.

Правда, это вызвало протест со стороны мечтающих еще о переделке русского колониста на анархический лад путем создания и укрепления Обществ Взаимопомощи, но их немощный голос оказался заглушенным дружным хором голосов их товарищей, увлекшихся всецело идеей взаимопомощи, сулящей им обезпеченное существование и тихую мещанскую жизнь. И новый тип организации, руководимый колониальным анархистом, состоящий почти всецело из членов анархического движения, униженно склонил свою голову перед властвующим теперь над русской колонией национальным элементом.

Пораженцы теперь ходят с опущенными носами и, махая безнадежно рукой, говорят тоном горького раскаянья: «Э, мы разочаровываемся теперь в нашей работе.»

Из всего вышесказанного следует вывод, что не реакция, как это думают некоторые из нас, послужила главной причиной разложения анархического движения в Америке, а курс общеколониальной политики, принятый, повторяю, анархистами в 1918 году. Реакция хотя и выслала из страны лучших работников движения, тем не менеее, не смогла достигнуть самого для нее главного, а для анархического движения опасного, а именно,— не могла дать толчек к духовному разложнению остатков движения. Она рассеяла движение организационно, ослабила его физически, но после этого движение, с небольшими затруднениями могло возродиться, что, как мы знаем, и было достигнуто отчасти. Курс же общеколониальной политики, внесший в умы членов движения сумятицу, открывший доступ в движение беспринципным хамелионам, направил движение по наклонной плоскости к разложени, что и случилось.

Для предупреждения повторения случившегося следует анархистам принять этот печальный урок во внимание и основательно взвешивая все средства подхода к массам, создавать и развивать движение на здоровых прнципах анархизма, а не приспособлять анархизм к различным предрассудкам, имеющимся в колонии, хотя бы и рабочей. Создавать движение на здоровых принципах анархизма не значит сидеть в своей собственной скорлупе, а создавать светлый привлекательный, для трудящихся оазис грандиозного роста высоко ценных для человечества анархических принципов; соприкасаться путем пропаганды с беспартийной рабочей массой, с ее профессиональными и культурными организациями посредством обычных, нам уже известных и не противоречащих анархизму связей. Анархическое движение в таком случае будет вполне обезопасено, независимое его существование будет отчетливо видно для угнетенных, а для всевозможных поборников кнута, насилия человека над человеком и тьмы духовной станет страшным предвестником их неминуемой гибели. Иначе же, если анархисты в какой бы то ни было стране и в каких бы то ни было условиях захотят подобно колониальным анархистам кооперировать на просветительной, скажем, почве с национальными организациями, бить на национальные, религиозные или патриотические чувства рабочих или иных элементов колоний или стран с целью приобретения у них доверия, то несомненно систематическое повторение этих трюков достойных демагогии, превратит самих анархистов в демагогов или в националистов и мистиков. Ведь сознательные националисты, надевающие на себя маску культурности, прикрывая ею свою отвратительную наготу, свой безобразный эксплуататорский лик, — ведь люди до того упорные в своих поступках и намерениях, что какие-нибудь, скажем, Моравские или другие новые мессии, благодаря своей духовной расхлябанности, не в силах преодолеть их упорства.

Итак, да послужит полученный нами урок предостережением на будущее.

И. ДАНИЛЮК.

К ВОПРОСУ О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДЕРЕВНИ

На эту тему П. Смирнов написал обширную статью в «Правде» (N244, 245). Писал он ее, чтобы «особо подчеркнуть значение с-х производства в «нашей стране, как производства массового середняцкого, а не кулацкого», и чтобы предупредить против «политики разгрома» т. н. зажиточных групп, что по существу проповедуется кое-кем» (т.е. оппозицией РКП).

Свою основную мысль П. Смирнов выражает следующим образом: «процесс дифференциации происходит в деревне, но этот процесс происходит таким темпом и в таких формах, что при росте крайних полюсов деревни происходит одновременный под,ем маломощных и середняцких хозяйств». Таким образом получается, что с одной стороны середняцкие массы дифференцируются на бедняцкие и кулацкие, с другой — с маломощными, т. е. по существу бедняцкими и середняцкими хозяйствами «происходит под,ем». Словом формула застрахована от всякого рода нападок. Но если отбросить эту формулу, то несмотря на всю недоговоренность статьи, приходишь все же к убеждению, что в русской деревне происходит дифференциация крестьянства по линии бедняков и кулаков.

Сам автор признается: «по посеву наибольший процент прироста с 1922 г. дает группа, сеющая свыше 10 дес. выросшая почти в 3 раза. Эта же группа во все обследованные годы сохраняет повышенный темп роста». В это самое время основные посевные группы (от 2 — 10 дес.) выросли только на 13,6 проц. Значит были же причины, способствовавшие столь быстрому развитию именно богатых хрозяйств.

Переходя к вопросу о найме сроковых рабочих, автор констатирует опять значительное увеличение найма за время 1922-25 гг. Притом он уверяет, что среди хозяйств «нанимающих сроковых рабочих, заметная доля падает и на середняцкие, даже на маломощные (по посеву) группы. В этих хозяйствах наем несомненно связан с какими-то причинами, ослабляющими временно хозяйство (болезнью, смертью работника и т. п.)». Невольно появляется вопрос: неужели же в России среди маломощных хозяйств так сильно распространены причины подобные «болезни, смерти работника и т.д.», что в состоянии поглащать большую часть наемных рабочих. Но интересно было бы узнать, каково значение «основного контингента наемной силы» в деревне, т.е. сдельных и подденных рабочих. Таких данных еще нет. Нужно удовлетвориться тем, что НКЗ — мол, «принял меры к изучению этого вопроса».

Самые же богатые группы с.-хозяйств, имеющие свыше 25 десятин, наемным трудом пользуются сравнительно мало (45,5 проц.) Это обстоятельство чрезвычайно радует автора и приводит его к добродетельной мысли, что «зажиточность в деревне очень часто связывается с многосемейностью». Но мы знаем из советской же прессы, как стараются самые злостные кулаки скрывать факт найма рабочей силы всякими родственными ширмами, вроде фиктивных браков и т. п. Не является ли такого рода «многосемейность» залогом зажиточности? Автор ничего об этом не говорит.

Неблагополучно также с арендаторством. «Число хозяйств», пишет П.А. Смирнов: «арендующих землю возрастает из года в год, почти удваиваясь с 1923 года по 1925 год». Правда автора утешает та мысль, что кулаки землею «могут располагать только в форме краткосрочной аренды», однако за допущение аренды он крепко стоит. Она нужна большевикам, для возможности экспорта хлеба. Аренда и является первой причиной развития кулачества в деревне. Если основной надел, расчитанный по душам, увеличить произвольно кулакам и нельзя, то благодаря аренды они получают мощное оружие давления на середняцкое хозяйства и забирая у них землю, тем самым превращают последних в бедняков. Если землею кулаки не могут пользоваться в качестве частной собственности, то зато, пишет автор «не надо, конечно, закрывать глаза на то, что зажиточные растут по капиталу и инвентарю», т. е. получают в свои руки средства производства. Советская власть, поощряя аренду, тем самым способствует дифференциации середняцкого крестьянства на кулаков и бедняков.

Касается автор также вопроса «оказания бедноте помощи в овладении сел.-хоз. производством». Он предлагает ввести систему сельско-хоз. кредита для бедных и средних хозяйств для совместной покупки инвентаря, машин и т. д. «Только кредит», пишет автор, «делает возможным осуществить кооперирование маломощных слоев населения вокруг машины». Мысль по существу здоровая, но сделав этот шаг вперед, автор спешит сделать два шага назад и прибавляет, что нужно допускать « в нее (кооперацию) и зажиточные элементы». Таким образом вопрос «оказания бедноте помощи в овладении с-х производством», что «представляется автором «неизменно задачей советского правительства» в деревне — фактически сходит на нет. При допущении кулаков в кооперацию, последняя, как уже показали многочисленные опыты, превращается кулаками в орудие давления на бедняцкие массы, и говорить тогда о них, как об органах, способствующих «овладению с-х производства» бедняками просто смешно.

Советская политика в деревне сводится к тому, чтобы волки были сыты и овцы целы. Чтобы кулаки, нужные советскому правительству для экспорта, процветали и чтобы бедняки «овладели с-х производством». Невозможность и полярность целей очевидна без всяких комментарий. И потому фактическми советская власть отбросив свою «неизменно остающуюся задачу» помощи беднякам, усердно вытягивает кулаков, так необходимых ей для удержания своей диктатуры. И софизмы Смирнова о том, что в деревне происходит и рост крайних полюсов», и «под,ем маломощных хозяйств» никого обмануть в истинном смысле советской политики в деревне больше не могут.

Я. Л.

КИТАЙ И БОЛЬШЕВИКИ

Империалисты всех стран перепуганы китайским революционным движением и думают, что революционная волна поднялась и распространяется благодаря большевистской пропаганде.

А московские дипломатывн е себя от радости, что они, красные дипломаты, работают лучше белых и умеют хорошо использовывать слова «коммунизм» и «интернационализм» в интересах советского правительства. Я лично учился в коммунистическом университете для трудящихся Востока и могу рассказать пролетариату всего мира, какую преступную роль большевики играют в Китае. Я бы также хотел Вам рассказать о взаимоотношениях между Китаем и большевиками и расскрыть причины вступления большевиков в буржуазную партию «Ганидан» и вообще историю всей красной дипломатии на Востоке.

Если бы вы были в курсе китайского социалистческого движения, вы бы поняли, почему кажется таким странным вмешательство большевиков в китайские революционные дела. Странно оно потому, что в Китае вплоть до 1919 года были только социалисты и анархисты. Тогда не было еще ни единной большевистской прокламации или брошюры; несмотря на это наше революционое движение было уже настолько сильно, что представители китайского правительства должны были под давлением широких народных масс отказаться от подписания Версальского договора.

И только после того, как началось движение против английского империализма, большевики начали будто бы интересоваться Китаем.

А реакционная пресса продолжала кричать, что в России уже осуществлена анархия, что там уже нет правительства. Анархисты же были очень плохо информированы об истинном положениии дел в России и симпатизировали родственным анархизму устремлениям большевиков.

В конце 1919 года приехал в Пекин из Москвы русский большевик Войтинский. Он был представителем Коминтерна и привез с собой большие суммы золотых денег для того. чтобы развернуть большевистскую пропаганду. Сначала он познакомился с анархическим студенчеством Пекина, издавал периодический орган, организовал информационное бюро о России. Позже он уже пытался притеснять анархических сотрудников, для того, чтобы он мог весь орган превратить в чисто большевистский. Анархисты противодействовали этому и прекратили сотрудничать с ним.

К этому времени Войтинский познакомился с профессором пекинского университета, с господином Чен-Ту-Сью. Этот профессор был буржуазным демократом и издавал орган «Новый журнал». Он тогда симпатизировал христианству и говорил: «социализм — это яд». К годовщине национальной революции он распространил возвание о значении национальной революции. За возвание он был арестован, но благодаря протестам студентов тотчас был освобожден. В университете он больше не имел права читать лекций и переехал из Пекина в Шанхай.

Осенью 1920 года Войтинский вместе с одним анархистом был в гостях у господина Чена в Шанхае. Вскоре после этого издательство «Новая молодежь» выпустила книгу под заглавием «Дорога к свободе идет из России». Студент анархист должен был, наконец, притти к заключению, что анархисты не могут работать с большевиками и уехал обратно в Пекин. Господин Чен организовал союз молодежи; слова «коммунизм» он боялся и назвал этот союз «группой социалистической молодежи». Первый пункт статута этой группы гласил: «каждый член группы обязан верить в социализм». Дальше значилось, что члены группы могут бесплатно учиться в Москве. В начале 1921 г. в Шанхае собралось около 100 молодых людей, которые хотели учиться в Москве.

Между выразившими желание ехать в Москву были также студенты без определенных политических мировоззрений. Китайские власти запретили выезд из Китая и задержали многих студентов по дороге. Когда мы приехали в Россию, мы сразу увидели далеко не земной рай и университет для трудящихся Востока более похожий на тюрьму, чем на учебное заведение. Директор университета распорядился о создании нами центрального исполнительного комитета китайского студенчества. Этот созданный центральный комитет имел всю власть. Он был посредником между студентами и директором. Вся жизнь проходила под контролем комитета. Мы не имели права читать не большевистские книги, ни даже писать домой в Китай письма о положении в России. Через 3 месяца, когда срок первому комитету истек, большинство студентов стояло за ликвидацию подобного комитета; но директор нам сказал: организационный принцип большевизма — централизм; и нашим девизом является : диктатура пролетариата. Один студент при этом отозвался: «кто из нас пролетариат, вы или мы?». Члены комитета сообщили директору, что среди студентов имеется большое количество анархистов и к лету он эту половину отправил обратно на в Китай.

На третий конгресс коминтерна (1921) приехало 4 делегата коммунистической партии. Все они в своем докладе в коминтерне передавали, что их партия в Китае развивается и просили денег для пропаганды. На деле же коммунистической партии в Китае еще не существовало.

Пятый конгресс коминтерна постановил: «так как Китай еще не проделал буржуазной революции, то рабочим нужно вместе с буржуазией подготовить национальную революцию». До конгресса Чен-Ту-Сью протестовал против такой тактики, но после конгресса он уступил и по возвращении в Китай, он сразу организовал союз железнодорожников. Вначале 1923 года большевики объявили в Пекине стачку. Много рабочих было убито солдатами. После стачки большевики получили 50.000 рублей из Москвы и 20.000 долларов было собрано в разных

китайских городах в пользу безработных но безработные и голодные рабочие не получили ни единого доллара. Наши «честные» большевики опустили эти деньги в собственные карманы.

В конце концов рабочие отчасти докопались до истинной подоплеки большевиков. В одной рабочей декларации стоят следующие слова: Большевики выбрасывают лозунг — диктатуры пролетариата и несмотря на это они нас обманули. Мы отлично знаем, что они еще хуже милитаристов. Они представляют совершенно особую категорию эксплоататоров».

После события 30 мая 1925 года в Шанхае студенты-большевики организовали центральный комитет всех профорганизаций, в который не вошел ни единый рабочий. Они опять собирали деньги в пользу рабочих и опять забрали эти деньги себе. Тогда даже происходили столкновения между рабочими и центральным комитетом, которые не обошлись без кровопролития.

В это время антимилитаристское движение китайских студентов в Москве подавлялось. Много китайских студентов было арестовано и до сих пор находится в большевистских тюрьмах. Все это потому, что большевики боятся японского большевизма и хотят остаться в дружеских отношениях с Западным империализмом. Во всяком случае русские большевики увидели, что наш народ им не доверяет и взяли другой политический курс — использовывают военных генералов и других политиканов. Они обещают генералам оружие и деньги для их армий. В кантонском правительстве и национальной армии есть уже много «красных» офицеров.

3 месяца тому назад вернулся их Москвы домой в Китай г-н Чен-Ту-Сью, экс-профессор пекинского университета, а в настоящем не то большевик, не то демократ — приехал и очень удивился антибольшевистскому движению в Китае. Он написал статью под заглавием: «есть ли красный и белый империализм?» Чтобы доказать, что Россия по своему социальному строю не может угнетать другие страны, он прибегает к такому аргументу: современный капитализм есть капитализм финансовый, а Россия еще не дошла до финансового капитализма. Следовательно, не может быть и речи о русском империализме. После появления этой статьи, многие знаменитые ученые стали писать на эту тему. Все они доказывают, что большевизм есть красный империализм и является врагом угнетенных трудовых масс Востока; что большевики не пришли к коммунизму, а только утилизируют слово «коммунизм», чтоб обмануть наш народ и что тактика коминтерна помогает московскому правительству создавать красный империализм.

Дискуссия об этом еще не кончилась, но мы уже знаем, что много революционеров противопоставляются большевизму. Мы уверены, что, хотя московская диктатура постыдно обманула Европу и Америку — все же она сыграет большую роль в революционном движении Востока. Но трудовые массы их презирают и рассматривают их как эксплоататоров народов Востока.

Мы должны решительно бороться с империализмом во всех его формах и обращаемся к пролетариату всех стран за помощью и поддержкой революционному движению на Дальнем Востоке.

БАО-ПУ.

СПАРТАКОВСКИЙ СОЮЗ В ГЕРМАНИИ

В Германии произошло недавно слияние левой коммунистической оппозиции во главе с(исключен. коммун. лидером Кацом) с «Algemeine Arbeiter Union» (Всеобщий Рабочий Союз), предводительствуемым Францем Пфемфертом. Новая организация назвалась «Спартакус-бунд» (»политико-хозяйственная об,единенная организация»). В ноябре 1926 года вышел их орган «Спартакус», Передовая статья написана Францем Пфемфертом и излагает идеологию вновь возникшей организации. В этой идеологии имеется много элементов анархизма и «прямого действия».

«Спараткус-бунд» против участия в парламенте, больничных кассах, легальных фабрично-заводских комитетах, городских муниципальных советах, и вообще во всех институтах, где представители трудящихся должны сотрудничать с буржуазией. Он («Спартакус-бунд») считает, что участие в буржуазных институтах ведет трудящихся к опортунизму и удаляет момент социальной революции.

Он считает, что капитализм переживает теперь последний смертельный кризис и что о его стабилизации не может быть и речи. Исходя из этого он призывает трудящихся к революционной классовой борьбе и верит, что чем сильнее будут усилия пролетариата, тем слабее станет капитализм. Реформизм, по мнению «Спартакус-бунда», закончился с началом мировой войны и с тех пор начался период мировой революции.

Система Тэйлора, фашизм, так называемая рационализация, посредством которой капитализм готовится побороть пролетарское движение, все это представляет явления не только чисто политического, но политико-экономического характера. Отсюда следует, что освобождение пролетариата есть акт не единственно политического, но политико-экономического значения. Следует отбросить деление на политические и хозяйственные организации (профсоюзы). Все политические партии и экономические организации должны быть заменены новым типом политико-экономической организации (фабричные организации).

Далее он считает, что современные формы пролетарских организаций не только не полезны, но даже вредны для социальной революции. Нельзя и не следует отделять политическую борьбу от экономической.

Между монархией и республикой, фашизмом и парламентаризмом, консерваторами и либералами, реак-

ционерами и диктаторами, — говорит «Спартакус-бунд» — нет никакой разницы, так как все они представляют замаскированную форму капиталистической диктатуры; потому «Спартакус-бунд» отказывается выбирать между «большей» и «меньшей» реакцией. «Спартакус-бунд» считает, что социальная революция — единственный путь сознательного пролетариата.

Государство и ее институты, чисто политическая борьба (парламентская деятельность, уличные манифестации, посылка делегаций к правительствам и т. п.) также как и чисто экономическая борьба (тарифная политика, забастовка за грошевые повышения зарплаты и т. д.) и вообще все формы пролетарских организаций, которые практиковались до сих пор в буржуазном обществе, по мнению «Спартакус-бунда», совершенно вредны и заграждают пути к социальной революции.

«Спартакус-бунд» не хочет основывать новой партии, которая властвовала бы над пролетариатом. Он хочет создать классовую пролетарскую организацию, которая об,явила бы беспощадную борьбу всякой партии, которая стремится властвовать над пролетариатом.

Таким образом «Спартакус-бунд» борется со всеми политическими партиями. «Спартакус-бунд» отбрасывает всякого рода борьбу за частичные требования вследствие их опортунистического и контр-революционного характера.

Черпая свою идеологию из учения Розы Люксенбург и Карла Либкнехта, вытекающего из исторических уроков русского Октября (1917) и немецкого Ноября (1918), он считает рабочие Советы единственными революционными пролетарскими организациями, которые могут и должны разрушить государственную власть, государственный аппарат, частный и государственный капитализм и эксплоатацию. Чтобы построить таковые Советы, пролетариат должен уже сейчас организоваться на своих фабриках и заводах, он должен их превратить в единые фабрично-заводские организации, целью которых должно быть экспроприация этих фабрик и заводов. Путем «диктатуры советов» должно побороть всякую партийную диктатуру.

Как мы видим, идеология марксистского «Спартакус-бунда» имеет в себе анархические элементы. Это — для нас отрадное явление, так как показывает, что любая идеология, более левая чем большевизм, должна неизбежно притти к анархическим выводам.

Некоторые анархические элементы прорвались еще раньше, правда в очень затуманенной форме — у так называемой «рабочей оппозиции» в Росссии в 1921 г. Некоторые анархические тенденции проявили также русские максималисты и левые эсеры. То обстоятельство, что «Спартакус-бунд» об,явил борьбу парламентаризму, централизму, партийной политике и государственному господству и то, что он стоит за политико-экономическую революцию в форме Советов — все это приближает его к анархизму больше, чем к какой-либо другой социально-политической идеологии.

Нас не должна поражать их идея «диктатуры советов», ибо «диктатура советов», которая уничтожает и частно и государственно-капиталистическую эксплоатацию и подкапывает основы государства — не есть диктатура партии. Советы суть политико - экономические организации трудящихся, их классовая организация. «Диктатура советов» в конце концов, судя по поставленной ими цели, ничто иное — как неудачное название, так как при таком политико-экономическом строе возможно только свободное трудовое общество. Надо думать, что «диктатура советов» у «Спартакус-Бунда» есть дань марксизму, с которым он все еще многим связан. Их отказ от частичных требований, от профсоюзов, от стачек и от всевозможных экономических действий может и довольно красивая идея, но это совершенная фикция.

Нельзя парить в облаках и носиться только с революционными лозунгами в то время, когда трудовые массы страдают от безработицы, голода и нужды. Нужно уже теперь бороться, правда революционными методами, а не парламентским путем, — за лучшие жизненные условия.

В этом смысле рабочий не будет прислушиваться к «Спартакус-бунду»

Фабричные организации, которые должны уничтожить профсоюзы, приспособлены к борьбе за частные улучшения жизненных условий меньше, чем профсоюзы. Могущественные формы, они, фабрично-заводские организации, примут только в день социальной революции. Это анархисты предвидели и уже издавна были горячими сторонниками революционных фабрично-заводских комитетов.

Во всяком случае мы должны приветствовать «Спартакус-бунд» как попытку со стороны марксистской группировки приблизиться к анархической идеологии.

Я. В.

РОССИЯ

В СОВЕТСКОЙ ТЮРЬМЕ

В Верхне-Уральской тюрьме, так называемом политическом изоляторе, находится сейчас 200 политических заключенных, из них половина женщин. Среди заключенных 80 с.-д., 38 сионистов социалистов и члены других партий. Недавно здесь разыгрались кошмарные события.

В одной из камер вместе с 4 грузинскими с.-д. сидел беспартийный рабочий с завода «Динамо», Белянкин. Так как грузины не владели русским языком, то Белянкин чувствовал себя совершенно изолированным и по-

тому просил перевести его в одиночку. Получив отказ, он 13-го октября об,явил голодовку. На 17-й день голодовки остальные заключенные, и без того встревоженные слухами о насильственном кормлении Белянкина, узнали, что его отправили в неизвестное место. Политические устроили абструкцию.

Были введены солдаты Чека. Многие из них, в пьяном виде, ворвались в камеры и заявили, что вся тюрьма на 3 дня будет переведена на карцерное положение. При этом они выбросили скамейки, столы и вещи заключенных в коридор. *После этого отдельными группами «20-25 человек напали на заключенных и насильственно стали стягивать с них сапоги, сопровождая эту операцию ударами кулаков и ног.* Еще более варварским было поведение чекистов в женском отделении тюрьмы. После того, как были выброшены из камер все вещи, солдаты стали стягивать с женщин башмаки и чулки.

Здесь развернулись гнустные картины. Они подхватывали женщин высоко на руках, сопровождая все все это гнуснейшей бранью. *Эс-эрку Кшешевскую, протестовавшую против этого насилия, бросили на пол и избили до крови. Так же были избиты Гольцман и многие другие, имена которых еще не установлены. Далинский и Дихтер, пытавшиеся защитить своих жен, были в свою очередь избиты. Избиению подверглись также больные заключенные, собранные в отдельной камере. Среди них был избит престарелый Струков. Избиения продложались и следующие дни. В особенности пострадали петербургские студенты, среди них Левицкий, Тарасов и др. арестованные в 1925 году по обвинению в принадлежности к с.-д.*

В виде протеста против этих насилий, заключенные об,явили трехдневную голодовку. Сейчас в тюрьме мрак и ужас. Администрация стремится вызвать путем целого ряда мелких придирок взрыв отчаянья среди заключенных. При малейшем протесте заключенных избивают.

Все эти сведениия были сообщены редакции «Социалистического Вестника» одним сионистом социалистом, только что вышедщим из тюрьмы.

ВСПЫШКА ТЕРРОРА.

Пришедшие в последние дни сведения из России сообщают о массовых арестах, производимых совластью в Москве, Ленинграде и других городах. Арестуются рабочие, учащаяся молодежь. В связи с оппозиционной встряской, приободрившей без,язычную рабочую массу и достаточно потрепавшей престиж всей компартиии в целом, последняя впала в состояние крайнего напряжения и острой подозрительности и по всякому пустячному случаю обращается к террору — к арестам и ссылкам.

ТЕРРОР В БОЛГАРИИ

Нами получено следующее письмо из Болгарии:

Дорогие товарищи; сообщаем вам здесь некоторые сведения, собранные на местах и просим передать их гласности там, где вам позволяют цензурные условия. Все что вы здесь прочтете, даст вам далеко не полное представление о том, что происходило и происходит в нашем печальном крае. Но это пока все, что мы можем сообщить вам теперь.

Как известно вам, в районе Трояна и Ловеча действовал отряд «героя». Реакция, взбешенная своими безрезультатными поисками малочисленной «банды», еще в начале июля начала свой сатанинский танец. Долгое время крестьянам не позволялось отдаляться дальше, чем на 50 метров от своего дома. В каждого неподчинившегося этому приказу *стреляли без предупреждения.* Нам известно несколько случаев, когда женщины были убиты только за то, что пытались добраться до своих огородов, находившихся на расстоянии, превышавшем «законноположенные» 50 метров. Но эта строго ограничительная мера была неудобна и для самих властников и потому она была впоследствии заменена другой, более удобной мерой, а именно: каждое лицо имело право отдаляться от своего селения (село, города) на расстоянии 500 метров. Селения эти были охвачены тесным кольцом войск и всякий, нарушавший этот приказ, падал пронзенный солдатскими пулями. Каждый вероятно, догадывается, что июль-август — это два месяца, от которых мы крестьяне ждем пропитания на весь год. Но ловчанским и троянским крестьянам не пришлось в этом году трудиться над своим урожаем: артиллерийские, кавалерийские, пехотные и детективые части, смолотили, искромсали и развеяли их пшеницу и растоптали их огороды. Они искали «героя», скрытым за соломинкой, кукурузным стеблем, или головкой капусты. Они так разрыли и перекопали поля и огороды, что крестьяне могут в этом году расчитывать на верный голод. И там , где конское копыто и солдатский сапог не уничтожили всего, там солнце закончило их дело. Зрелый плод рассыпал свое зерно по ветру, а тут же, по мостовым и придорожным канавам валялись окрававленные головы их хозяев. Курятники пустовали, амбары опаражнивались, ибо «стражи порядка» не забывали своих желудков. Вот маленькая иллюстрация: одному поручику полагалось на обед вместе с другими блюдами и жаренная, хорошо запеченная курица. И вот каждый раз, когда, по мнению поручика, курица оказывалась недостаточно жирной, последняя неизменно летела в голову «кмета » (общинного старосты). Они, однако, удовлетворяли не только свои желудочные потребности, а и другие... В семействах, бежавших и убитых едва ли оставалась хоть одна молодая женщина, которая бы не подверглась гнусным и отвратительным шпионским ласкам и не была бы изнасилована детективами и солдатами. Вот факт..., но без имени — ибо вы знаете, что называть имена живых опасно. В одном Ловечском селе, в доме, где проживала

молодая, красивая девушка, появились трое «македонствующих», т.е. Ляпчевых агентов и начали грубо и недвусмысленно приставать к девушке. Начавшей было сопротивляться этому, матери ее было заявлено, что «не за ней пришли» и что лучше «не вмешиваться не в свои дела». Затем мать заперли в одной комнате, а в другой — под плач и крик обеих женщин, изнасиловали девушку. Уходя они обещали ей вернуться через девять месяцев на крестины... Таких фактов можно было бы много, много привести, но знаем, что вам необходимы факты с именами и датами. Вот некоторые:

Вначале августа из Ловчинской тюрьмы были выведены 18 человек под предлогом, что их отправят для допроса в Троян. Неподалеку от села Лешница, в местности «Сухота Чешма» они все были перебиты сорпровождавшей их стражей. Убитые—крестьяне сел Голяма Железвина, Борила, Старо-село и др. Имен их мы узнать не могли.

2) Под тем же предлогом и из той же тюрьмы, в ночь с 7-го на 8-ое августа были выведены 25 чел. Между селом Изворджика и хутором Шанките они были все перебиты. Среди убитых были: Христина Ковачева, 24-х лет, учительница в хуторе Балабанското (Троянского уезда, Илья Христов Замберский, 25 лет, житель Трояна и др.

3) 10 и 11-го августа возле села Изгороджина, были убиты жители того же села: Георгий Кордельский, 56 лет, его супруга Рада Кордельская и служивший у них мальчик, имени которого мы не могли узнать. Дом на селе Изворджина сожгли со всем содержимым. Это, однако, не сосвсем удовлетворило Ляпчевских палачей и они весь отстаток своей злобы излили на домашний скот.

Как говорит наша народная поговорка: «камень на камне не остался и петух не пропел с тех пор в этом доме». Вся вина Кордельских состояла в том, что дочь их, Ионка Кордельская, находилась в отряде «героя».

4) В ночь с 13-го на 14 августа из Ловченской тюрьмы выведена была большая группа арестантов — предполагают, что около 40 человек — под предлогом отправки их на допрос в Плевен. На повороте у Залковскою Холма, возле леска, они были обезглавлены. Рассказывают, что когда они подошли к Залковскому Холму, конвой приказал им выстроиться в шеренгу, а сам отошел на приличное расстояние. Когда все было исполнено послышался картечный треск и вся шеренга повалилась на земь, как подкошенная. Прицел, однако, не был взят точно (а может быть и нарочно) и все они были ранены в ноги. Но так как в таком виде их не могли оставить, то последовал приказ каждого в отдельности приколоть штыками. Так передает слух... Не подлежит, однако, сомнению то, что на второй после убийства день шоссе в вышеупомянутом месте было залито кровью, деревья и трава там были покрыты черными пятнами засохшей крови, а головы убитых валялись целую неделю по мостовой и канавам. Не видавший таких видов европеец наверное спросил бы, но чем же об,яснить такую глупость с их стороны, что оставляют столько вещественных доказательств о своем преступлении?» Ответ он получил бы очень простой: «Потому что они не боятся твоего мнения и порицания, европеец, а боятся справедливой мести родных, друзей и знакомых обезглавленных ими людей... И вот эта то месть должна быть предупреждена и обессилена пред ужасом отрезанных голов.

15) 15 или 16-го сент. Ловечским Окружным судом были освобождены два беловласых старца: Волко Микренский, 80-ти лет, — имеет сыновей, дочерей и внуков, и Банчо Еврев, 75-ти лет — также имеет детей и внуков. Оба они жители села Изворджик (Ловец. уезда) и ...чтобы они могли«благополучно пройти опасый путь из города в деревню, власти решили командировать с ними провожатых. По дороге с ними случилось то, что случалось до того со многими другими — они были убиты неподалеку от родного села. Одновременно с ними были освобождены и тем же способом убиты: Коля Г. Кордельский, 23-х лет — сын убитого ранее Георгия Кордельского (упоминаемого нами выше). Цвятко Танчев, 29 лет — зять Георгия Кордельского и Мерованский 21 года, из села Радвене.

Вначале июля был арестован и убит без суда и следствия турок Али Белямов, 23-х лет из села Борима (Троянского окр.) Жертвой иступленной и кровожадной мести пал в то же время один юноша из села Борима, единственная вина которого заключалась в ... совпадении его имени — Василь Попов — с именем преследуемого властьями Василия Попова («героя»).

То, что мы вам здесь рассказываем есть только малая часть ужасающей действительности тех мест (Ловечский, Троянский, Плевенский районы), где пахнет порохом, дымом и кровью; где слышится задавленный сиротский плач и стоны вдов. Если бы вы могли заглянуть в этот несчастный угол, то вы не нашли бы больше села Микре (Ловч.) — оно превращено в груду пепла и развалин. Если взгляд ваш падет на село Голяма — Железвина, то вам покажется, что это место жестокой брани.

В середине августа в этом селе, по приказу военных и детективов, сжигались целые кварталы. Все эти кровопролития и пожары об,ясняются только тем, что не удалось поймать «героя» и его товарищей. Это обстоятельство породило подозрение, что местное население их укрывает. Организатором и непосредственным руководителем этого исступленного садизма был «родолюбец» подполковник Динчев из Софийского гарнизона. В его распоряжение были предоставлены следующие военные и полицейские части: 1-й каваллерийский полк (София), пехотная дружина (София), весь гарнизон гор. Плевена, артиллерийский полк гор. Севлиева, дирекция полиции с более, чем 70-ю полиц. собаками, вся полиция городов Пловен, Ловеч, Тетевен и др. На этом кончаем пока.......

БОРЬБА ЗА ОРГАНИЗОВАННОСТЬ

(Диспут по поводу «Организационной Платформы»)

Необходимо, чтобы каждый анархист с максимальной полнотой уяснил себе идею анархической организованности. В этой идее — величайшее будущее анархизма и на осуществление ее следует положить всю нашу энергию и все наши усилия.

5 декабря прошлого года Группа Русских Анархистов Заграницей организовала диспут с целью освещения некоторых пунктов «Платформы», всячески искажаемых противниками анархической организованности. На диспут пришли многие русские, польские и болгарские товарищи, искренне стремящиеся разобраться в важных вопросах организации.

С докладом от Гр. Рус. Ан. Загр. выступил тов. *Аршинов*. Докладчик указал на то, что споры в Париже по организационному вопросу ведутся давно, не менее года. При этом выявились две тенденции — ярко организационная и ярко дезорганизаторская. Хотя представители второй тенденции и заявляют, что они кой-какую организацию тоже признают, — на деле они являются злостными дезорганизаторами, живущими не конкретными потребностями движения, а мертвыми формулами, софистикой и искажениями. Это особенно видно на их отношении к проекту «Организационной Платформы».

Как известно, Организационная Платформа выявила троякого рода отношение к себе: положительное, сдержанно-критическое и индивидуалистически-наплевистское. Примером положительного может служить организационная связь многих групп и отдельных товарищей, приветствующих начинания нашей организации и желающих совместно с нею вести это дело дальше.

Примером *сдержанно-критического* отношения могут служить глубокие и деловые вопросы, поставленные товарищем *М. Корн* в № 18 Д. Т.

Примером третьего — *индивидуалистически-наплевистского**) следует считать легкомысленное, ругательно-крикливое отношение, которым последнее время проявили себя некоторые ан-сты, стоящие вне организационного движения, по недоразумению думающие, что анархизм может обретаться у каждого из них в кармане и что поэтому не зачем подымать и вопроса о «каких-то там организациях» и о «каких-то там организационных платформах». Идейным выразителем этого отношения является товарищ *Волин*. Группе известно, что этот индивидуалистический элемент, сошедшийся на отрицательном основании, готовит какой-то «ответ» на платформу. Вряд ли этот ответ, подсказанный дезорганизаторскими намерениями, представит интерес. Во всяком случае, — поживем, увидим. Сейчас же разберем тот теоретический багаж, который певцы разгильдяйства, выдвинули против «Платформы». Тов. Волин богаж этот представил в таком виде: идея программы, идейное руководство событиями и борьбою масс, политическая линия в анрхизме, — все это, изложенное в Платформе, противоречит основным принципам анархизма.

Однако ничто лучше не показывает полной анархической и политической несостоятельности наших противников, как приведенные положения Волина. В самом деле, политический характер анархизма и необходимость точной политической линии в нем установлены можно сказать еще с «незапамятных времен». Чтобы убедиться в этом достаточно прочесть хотя бы №№ женевского «Хлеб и Воля», издававшегося с 1903 г тт. Оргеиани, Кропоткиным, М. Корн и др. пионерами русского анархизмма.

Мы — антигосударственники, антидемократы, антипарламентаристы. Уже одно это составляет определенную политическую линию анархизма. Однако, повседневная социально-ревслюционная борьба требует от нас углубить и уточнить эту политическую линию Нам необходимо иметь определенные отношения к разнообразным политическим явлениям дня, к различным политическим партиям и т. д. и из всего этого вывести свою политическую линию поведения.

Отрицание противниками самой идеи программы. Что такое программа? Программа есть выработанный план действия, который исключает из нашей деятельности грубые противоречия, вредящие движению. Без плана не построишь простого сарая. Без плана невозможно бороться с организованным врагом. Еще менее возможно обходиться без плана в социальной борьбе. К счастью, несмотря на истерические выкрики хаотического элемента, план — программа у нас всегда имелся.

Мы противники захвата власти — одно положение.

Мы против государства во имя органов общественного и государственного самоуправления трудящихся — другое положение.

Мы за равенство в политической области и в области распределения материальных благ — третье положение и т. д.

Все это составляет программу, но в общих чертах.

Социальная борьба, в которой мы стремимся занять достойное анархизма место, требует от нас *детализировать* нашу программу, изгнать из нее всякие противоречия, отделить случайное и наносное от существенного в анархизме. Вот в целях этого и вырабатываются «организационные платформы».

Наша Платформа является лишь первым шагом в этом направлении, но шаг этот имеет огромное значение, так как сдвигает наше движение с мертвой точки. Бороться с этим шагом — значит не понимать потребностей движения и творить по истине злостное дело дезорганизации.

Идейное руководство событиями и массами. О нем мы достаточно говорили и в Платформе и в отдельных статьях. Вместо случайного, неустойчивого идейного влияния на ход революционных событий, мы стремимся иметь постоянное организованное влияние, ибо орган-

---

*) *Под «наплевизмом» в каждом политическом течении разумеется сугубо безответственное отошение к личным и коллективным обязанностям; отношение, находящее свое лучшее выражение в фразе: «мне на все наплевать».*

низованность удесятеряет всякую силу.

По всем разобранным пунктам наши противники ни разу не дали своих обоснованных противоположных положений, а ограничиваются голым наплевистским отрицанием. Это дает нам полное основание определить их, как злостных дезорганизаторов движения.

Приведение в организованное состояние сил анархизма является насущнейшей задачей дня и мы полагаем, что анархическое движение во всех странах должно спешить выполнить эту задачу.

Следующим за Аршиновым оратором от Группы Русских Анархистов Заграницей выступил тов. *Махно*.

Сегоднешним докладом, заявил тов. Махно, наша группа преследует две цели — во первых. осветить по возможности полно те непонятные кое для кого положения выработанного ею проекта «Платформы Всеобщего Союза Анархистов», над которым некоторые наши товарищи искренно призадумываются и одновременно с этим показать положительность этого проекта. (Что по моему мнению докладчик, тов. Аршинов, уже доказал.)

Во-вторых, наша группа ставила себе в задачу на сегоднешнем же докладе показать в ряде положений несостоятельность в этом столь важном вопросе наших «оппозиционеров по недоразумению». Несостоятельность, на которой они построили свое отрицательное отношение к проекту «Платформы В. С. А.» и где-то по закулисам вербуют себе случайный элемент в нашем движении и с ним готовятся к кампании против проекта «Платформы».

Я лично хотел сегодня говорить о несостоятельности этих — повторяю — наших по недоразумению оппозиционеров. Но они не явились почему-то на наш доклад, хотя были оповещены о нем.

Говорить же об этом в их отсутствии мне тяжело. Их отсутствие на диспуте затрудняет меня детально коснуться их полной политической и организационной несостоятельности, их полного организационного и политического ничтожества, которые ведут их прямо в болото, откуда можно только квакать, но не давать ничего положительного.

Уже давно, даже наиболее оголтелым стало ясно, что наше движение нуждается в спайке наших сил, в социальных путях и средствах, без которых движение не может самостоятельно влиять на ход массовых революционных событий, даже тогда, когда ход событий принимает родственный анархизму характер.

Наши оппозиционеры по недоразумению» над этим, вероятно, никогда не задумывались и не задумываются, видимо, и теперь. И это потому, что они все не позаботились понять сущности революционного анархизма прежде, чем хвататься за проект Платформы анархистов и отыскивать в нем антианархические положения. В своем непонимании духа времени, потребностей момента и в своей безнадежной борьбе со стремлениями анархизма организоваться, они вынуждены вербовать в свои ряды людей, случайно вошедших в анархическое движение людей не переживавших тяжелого опыта русской революции и не знавших мук и потребностей анархического движения в России и др. странах. Они не задумывались и не задумываются о том, почему анархизм и анархисты были беспомощны помешать социалистам-государственникам обмануть и поработить трудящихся, когда массы в своих революционных устремлениях переходили их программы и шли вперед к лучшему. В этом причина того политического и организационного ничтожества, которым богаты наши оппозиционеры и с которыми они хотят опровергнуть то, что кровью нашего сердца, соками наших нервов выношено из практического опыта в Великой Русской Революции, где мы шли бок о бок с трудовыми массами, творившими ее.

Само собой разумеется, что этим попыткам мы дадим должный отпор, как того заслуживает их черное дело и как того требует от нас ответственное положение нашей организации и ответственное положение всего анархического движения.

В происшедшем затем обмене мнений высказался ряд товарищей, как по докладу, так и по некоторым, незатронутым в докладе, положениям Платформы. Особенный интерес представило слово болгарского товарища, N —, старого участника движения. По его мнению наибольшим препятствием развитию анархизма в Болгарии явились сами анархисты с их неорганизованностью, особенно те анархисты, которые на настоящем докладе определены термином «наплевистов». Больше каких либо политических противников, больше самой реакции, анархическая дезорганизованность подорвала значение анархизма в массах. Тов. призывает в первую очередь бороться с этой дезорганизованностью, которая составляет позор и настоящий бич анархического движения в разных странах.

Другой болг. т-щ указал на то, что не следует смешивать проблему организации анархических сил с проблемой организации будущего общества. Практически эти две проблемы самостоятельны, обе крайне важны и каждой из них следует уделить самое полное внимание и усилия.

Тов. Гриша Бр. коснулся вопроса большинства и меньшинства, изложенного в № 18 Д. Тр. Он ставит вопрос, почему в случае разногласия меньшинство должно подчиниться большинству , а не наоборот. Соглашаясь с тем, что ради сохранения организации одна из сторон должна пойти на уступки, он не видит оснований, почему этой стороной должно быть меньшинство.

В заключительном слове т. Аршинов дал ответ на ряд поставленных вопросов, в том числе и на вопрос т. Гриши Бр. Вопрос подчинения одной из сторон не есть вопрос принципа, а вопрос практической мудрости. Несомненно, всякая организация имеет меньше шансов на выживание, если она начнет практиковать обычай подчинения большинства меньшинству, ибо при этом обычае почти что невозможна определенная линия поведения. Это именно и учитывает практическая мудрость, рекомендуя меньшей стороне пойти на уступки большей.

Диспут закончился при единодушном желании собравшихся продолжить его по ряду других вопросов, положенных в основу «Организационной Платформы».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Ознакомившись с кратким отчетом о диспуте (в № 17 Д. Т.»), я был очень удовлетворен. Собеседования эти дают возможность каждому члену Гр. Рус. Ан. Загр. отдаленному расстоянием, участвовать в открытом обмене мнений. В силу этого я прошу Группу печатать мнения и тех членов ее, которые находятся на расстоянии. Это придаст нашим собеседованиям более широкий характер..

Не откладывая своего намерения, я говорю: — Стоя на точек зрения тов. Аршинова в целом и основном относительно организационного вопроса, я поражен заявлением тов. Юд., «что метод создания организации, взятый Гр. Рус. Ан. Загр. не анархичен, что такая организация годна для захвата власти, но не для революционной работы» — вот его подлинное заявление. Если бы он выкинул ту или другую ересь по существу самого организационного вопроса, я был бы не так возмущен как этим пустым безответственным выпадом. Критиковать да еще не по существу всегда легче и менее ответственно, чем *работать*, чем *творить* и *делать*. Хочется невольно сказать — сделай лучше, создай реальнее,и показательнее. Но говорить так о плане, который необходимо выполнить каждому принявшему его, каждому удовлетворившемуся им, который наметила Гр. Р. Ан. Загр., в виде проекта, значит совершенно не знать анархической идеологии и быть самому не анархистом. Да кроме того, в этом заявлении сплошное противоречие. Ведь раз Гр. Рус. Ан. борется против власти, государства и собственности и ставит во главу угла анархический вольный безвластнический коммунизм, то так безответственно выражаться про нее не только глупо, но и непростительно преступно.

Также я не согласен с тов. Корнелисен, заявлявшим, что если мы до сих пор не создали одной мощной анархической организации за тридцать лет, то теперь поздно браться за это дело, имея ввиду, что скоро нам придется быть в гуще революции. Это ребяческое малодушие. Именно поэтому нам необходимо сейчас же срочно за все это взяться, что и делает Гр. Рус. Ан. Загр., чтобы быть во всеоружии в надвигающихся революционных событиях.

Неудовлетворен я и возражением тов. Волина. Он спрашивает: как создать наше об,единение? Для этого, говорит т. Волин, необходимо построить идеологию, раньше чем строить организацию. Идеология есть. Это анархо-коммунизм. Но как разрабатывать ее? В условиях хаоса и неразберихи или организованно, как делает Гр. Рус. Ан. Загр.? Создавая организацию, нам в силу небходимости, по требованию самой жизни и практики прошлых революций тут же приходится углублять, расширять и оформлять наши идеологические основные предпосылки. Ибо мы же разрабатываем организационную проблему на основании идеологического и практического материала в нашем анархическом движении. Это во-первых. Во вторых, все те товарищи, которые не разделяют этих взглядов и противодействуют им , не понимая их или по другим причинам, сами высеивают себя из активных рядов анархизма, так как ни уму, ни сердцу, как и самому анархическому движению они ничего не говорят. И прав итальянский тов. Гуго Трой, что по его мнению, организация может зиждиться только на определенной программе, а его устами говорит недавнее анархическое практическое движение в 1920 г. в Италии.

Так же прав болгарский тов. Кира заявляя, что никто еще не дал более или менее отчетливого представления о вехах будущего общества.

Вот это как раз необходимо, в этом гвоздь, в этом успех анархического движения.

Соглашаясь с основой нашей будущей анархической организации на которую указал т. Аршинов, как то — 1) единство идеологии, 2) коллективная ответственность, 3) единство тактики, я считаю своим долгом отметить следующее. Раз ни один анархист не отрицает, что анархизм есть реальная общественная форма бытия и реальная цель общественной деятельности, то он должен раз навсегда заметить что наше миросозерцание и мировоззрение не символ веры, не застывший догмат. Они развиваются и видоизменяются по мере хода самой жизни и мы должны считаться с жизненными примерами и уроками прошлых революций. И мы теперь с успехом можем разрабатывать практические программы нашего движения нашей идеологии. Безусловно к этому мы должны подойти сугубо осторожно, продуманно все взвесив и измерив. Так как фактически до сих пор мы анархисты во всей многолетней истории нашего движения занимались не созидательной работой, а разрушительной. Малые исключения составляют наши эпизоды в русской революции, а также в итальянской. Исключения эти пестрят героизмом, силой духа. Одно плохо: все шло вразброд, в одиночку, оторванно и неорганизованно, за личный страх и совесть.

Вспомните, уважаемые товарищи, когда массы брали фабрики и заводы в России и Италии, когда создавали коммуны, когда создавали повстанчество в России и на Украине. Кто же там работал, кто руководил, кто направлял? Скажу прямо: — большей частью мы, анархисты, при нашем личном участии и руководстве. А как шла эта работа? Да так: кто в лес, а кто по дрова. Разбито, разрозненно, без плана, без метода, не согласованно, так, как понимал сам всякий из нас, исходя из нашего анархическо-философского идеологического учения.

Таким то образом мы руководили массами и в массах. Но тут нам возражают: как это так — программа, политическая линия, руководство борьбой масс? Ведь это от анархизма тянут в какую-то анархическую партию. Спокойствие и мужество, дорогие друзья, не бойтесь названий, мыслите языком предметов, а не теней и тогда вам не будет так страшно. Руководство идейное необходимо. Учить идее анархизма, значит руководить, идейно руководить, но не властвовать. Идейно мы всегда будем руководить, ибо мы анархисты, революционеры и борцы.

Если бы в русской революции руководство борьбой масс было в наших руках целиком, да притом сильной спаянной цельной об,единенной анархической организации, то там не было бы диктатуры большевиков, тем

более государственного социализма. Если бы в профсоюзах, в кооперативах, в домкомах, в советах, в заводских комитетах были бы анархисты, как идейная руководящая сила, то поверьте мне, как участнику большинства этих рабочих и крестьянских организаций, созданных самой революцией и революционным творчеством масс, русская революция не была бы задушена и для партии большевиков, да для любой государственной властнической организации там нечего было бы делать. Но в этих организациях мы были одиночки, а один в поле не воин. Мы были рассеяны, а эта рассеянность выливалась в форму такую, что наша работа оказалась литьем воды на большевистский жернов.

Итак, друзья мои, заканчивая свое замечание, говорю — спасение и успех нашего анархического бесвластнического движения и наша конечная цель — Анархический Коммунизм придут к нам через Всеобщий Союз Анархистов, через анархизирование рабоче-крестьянского движения, через анархическое руководство борьбой рабоче-крестьянских масс и через нашу анархическую социальную революцию.

А-др ***ЧЕРНЯКОВ***

Рига, декабрь, 1926 г.

ОТЧЕТ

Группы Русских анархистов Заграницей от дек. 1926 г. до 15 янв. 1927 г.

Остаток в кассе на 1 дек. 1926 г. 2 дол. 2 зл. 18 фр. 65 с.

ПРИХОД

От Союза Российских Труженников из гор. Юнгстоуна по подписному листу *) (для заключенных) — 26 дол. (673 фр. 50с.)

От тов. Шакулы из Юнгстоуна — Огио —5 дол.

» тов. Динцина — 5 фр.

За Д. Тр. 5,50 фр.

По подписному листу из Монтреала — 16 дол. (381,50 ф.) (для заключенных). **)

От Медынича — 6 дол. (130 фр.) (Для заключенных).

От Е. Демур — 5 австрийс. шил.

ИТОГО приходу: 1214,15фр. 7 дол. 5 шил. и 2 зл.

РАСХОД

Экспедиция N 19 Д. Тр. — 158 фр. 80 с.

Корреспонденция 50 фр.

Отправлено заключенным — 826 фр. 60 с. 10 дол. 2 зл.

ИТОГО расходу :10 дол. 2 зл. 1035 фр. 40 с.

Не уплочено в типог. за N19 и 20-21 Д. Тр. 3200 ф.(128 д.)

**) ПОДПИСНОЙ ЛИСТ*
В ПОЛЬЗУ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В РОССИИ.

Ж. Гейдор — 3 дол.; Федор Кундик — 1; Ю. Островсквий — 2; Григорий Кулик — 0,50; Яков Грицю —1; Наталия Мартынюк — 1; Стефан Медынич — 2; Sam Berdin — 1; П. Любежанин — 1; Зайцев — 1; А. Рабченко — 0,50; М. Дорохов — 1; Ив. Зевенюк — 0,50; А. Гинев 1; А. Локшин — 1; Тит Сетенюк — 1; И. Быков — 0,50; П. Колосей — 1; Г. Байлуков — 1; Andip Sfrebko — 1; Василий Жандрун — 0,50; И. Исаев — 1; П. Кот — 0,50; Николай Савчук — 1; И. Шакула — 1;

ИТОГО : 26 дол.

***) ПОДПИСНОЙ ЛИСТ N1-ый*
СОЮЗ РОССИЙСК. ТРУЖЕНИКОВ МОНТРЕАЛА.

На помощь русским анархистам, томящимся на большевистской каторге.

Ж. Паратов; — 1 дол.; Е.Неизвестный — 1; Д. Душин — 0,50; П. Самсонов — 1; Л.Кадыков — 1; Ж. Вифлянцев 0,50; П. Черный — 0,50; Р. Доротсик — 0,50; Ю. Демьянюк — 0,50; С. Карпов — 0,50; Р. Куба — 0,50; Ж. Татаринский — 1; Л. Кленый — 0,50; Tobius Segell — 0,25; Ж. Когут — 0,25; S. Veremeichik — 0,25; Кордубо — 0,25; А. Думерецкий — 0,25; Amra Zasberz — 0,25; В. Скиртун — 0,25; Ю. Куба — 0,50; С. Кабал — 1; Фитен — 0,50; Н. Rezannowicz — 1; Г. Зайко — 0,50; А. Pesarew — 0,50; Мирончук — 1; А. Shith — 0,25; В. Шехов — 0,50; Неизвестный — 0,50;

Итого : 16 дол.

ФИНАСОВЫЙ ОТЧЕТ ФЕДЕРАЦИИ
Анар. Ком. Групп Сев. Америки за 1926 г.

ПРИХОД

Выручено за «Дедо Труда» —29.78 с.

Поступило в фонд «Дело Труда» — 215 дол.70 с.

ИТОГО: 245 дол. 48с.

РАСХОД

Печать, поч. марки. пис. бум. и пересылка денег 17д.24с.

Выслано на «Дело Труда» —225 дол.

ИТОГО — 242 дол. 24 с.

Осталось в кассе на 1927 г. — 3 дол. 24с.

ИЗДАНИЯ ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Голос Труженника, орган индустриальных рабочих мира, N21, дек. 1926, N22, янв, 1927, Чикаго.

Безвластие, огран анархистов-коммунистов на болгар. языке, N1, Буэнос Айрес.

Aktion, *Pfemfert Heft*, Berlin.

Арбейтер Фрайнт, орган еврейских анархистов-коммунистов, Париж, N1 и 2

Социалистический Вестник, орган Рос, Соц.-Демократ. Рабочей Партии,N24, дек. 1926г. Берлин.

Isk, изд. Ц. К. Интернационального Социалист. Союза Борьба (Isk)

Товарищи Дело Труда вновь (см. отчет) *в тяжелом материальном положении.*

Поспешите со взносами за Дело Труда и с посильной помощью.

Распространяйте шире журнал. Увеличивайте круг его читателей, его моральную и материальную базу.

Gérant : L. LORÉAL Imp. L. Beresniak, 2, rue Lagrange, Paris.